

Франсуа Брюн

БОГ И САТАНА

борьба продолжается

Франсуа Брюн

**Бог и сатана. Борьба
продолжается**

«Алетейя»

Брюн Ф.

Бог и сатана. Борьба продолжается / Ф. Брюн — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-019-5

Автор этой книги, современный французский богослов, священник Франсуа Брюн, не боится ставить самые острые вопросы, непосредственно касающиеся каждого из нас: В чем смысл страдания? Что нам делать перед лицом собственного страдания и страдания близких? Как соотносить неизбежность страданий в этом мире и страдания Самого Бога, Страсти Христовы, с мыслью о том, что Бог есть Любовь? Почему в центре христианской картины мира, в которой Бог есть Любовь, стоит Крест и Страсти Христовы? Как одно совместимо с другим? Что такое спасение? Почему оно связано со Страстями? В чем наша роль в таком спасении и в той борьбе добра со злом, что совершается в мире? Над всеми этими вопросами мы можем начать размышлять, открыв эту книгу. В последние месяцы жизни о. Франсуа осуществил свою давнее желание перейти в православие. Он был рукоположен в 2018 году по благословению Владыки Нестора, епископа Корсунского, на Пасху в православном приходе парижского пригорода Ванв. Похоронен на приходском кладбище Ванв, завещав оставить на своей могиле надпись: «Отец Франсуа, православный священник. „Я – не здесь“».

ISBN 978-5-00165-019-5

© Брюн Ф.

© Алетейя

Содержание

Протоиерей Владимир Василик	5
Предупреждение	7
Введение	8
I.	12
«Дом с лицами» в Бельмесе	12
Исторический фон событий	12
Начало	13
Формирование «лиц»	14
«Аппорт»	16
Паранормальные фотографии	16
Магнитофонные записи	17
Агрессия незримого	17
Первые наблюдения	18
В поисках разгадки	19
«Облегченная коммуникация» и «психофания»	22
«Облегченная коммуникация»	22
«Психофания»	22
Что происходит на самом деле?	23
Удаленная «психофания»	24
Психофания не знает языкового барьера	26
Сознание с первых минут жизни	28
Общение с умершими	29
Естественное явление	30
Медиумизм	30
«Автоматическое» или «богодухновенное» письмо	31
«Инструментальная транскомуникация»	32
Позиция церкви	33
II.	35
Силы зла	35
Ложные стигматы	36
Ложная мистика	37
Ложные явления	40
Подлинная одержимость	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Франсуа Брюн

Бог и сатана. Борьба продолжается

Протоиерей Владимир Василик

Борьба продолжается

Книга Ф. Брюна «Бог и сатана. Борьба продолжается» представляет собой необычное явление. Прежде всего потому, что ее написал католический священник, который на смертном одре принял Православие. К этому непростому решению о. Ф. Брюн шел всю свою жизнь. В своих книгах он резко выступал как против избыточного католического рационализма, так и против чрезмерностей католического мистицизма. В католической мистике о. Ф. Брюн справедливо видел проявления гордыни, слащавости и самопревозношения. В публикуемой ныне книге мы можем найти достаточное количество примеров таких изъянов.

Возьмем хотя бы случай с госпожой Женни Брюйер (1845–1909), которая возомнила, что Пресвятая Богородица будто бы возложила на нее некую особую миссию. Став монахиней, она заявила, что к ней явилась Святая Дева и в дальнейшем Женни услаждалась следующими видениями и переживаниями: «Сначала я пережила юность Девы, затем – целомудренный брак материнства. Самой сладостной порой моей чудесной жизни была беременность, начало которой восходит к таинственному и всепоглощающему величию испепеляющей и неодолимой любви: «Сила Вышнего осенит тебя!» (Лук. 1,27). Сокровенные милости Жениха, которые я знала прежде, были всего лишь бледной прелюдией... Я носила в себе сладостную ношу, я чувствовала, как она шевелится в своей добровольной темнице. Он жил своей матерью и супругой, но спешил покинуть мое чрево, чтобы спасти мир. И вот пришла ночь Рождества – какое сладостное чувство!... Но ребенок был и супругом. У него была сила и любовь, и своими ласками Супруг восторжествовал над моим целомудренным сопротивлением. Я вся млела от любви, когда его губы всю меня привлекли к себе и я почувствовала, что перехожу в моего возлюбленного! Это не образы и не видения: все было пережито по-настоящему в моем физическом и нравственном существе». Отметим также, что пред смертью Женни Брюйер... лично оформила все документы на собственную канонизацию.

В православном сознании подобный опыт именуется тяжелой прелестью, добавим мы, замешанной на сексуальности и неволе материнства. Не случайно один наблюдатель, с трудом вырвавшийся из-под воздействия Женни Брюйер, справедливо замечает: «Наверное, надо было сказать этой женщине: “Мадам, вы рождены для материнства, а не для безбрачия: все в вас кричит о том, что вы должны стать матерью, и эта потребность заставляет мечтать о том, что Вы не сделали...”»

По понятным причинам отец Франсуа Брюн не привлек к анализу опыта Женни Брюйер прелестные видения Терезы Авильской, которой являлся некто, подобный Ангелу и пронзал ей внутренности, в т. ч. соответствующие органы, в результате чего она остро чувствовала сладостную истому. Католическая Церковь уже признала Терезу Авильскую святой, попутно канонизировав и ее опыт.

Известная недоговоренность присутствует и в других сюжетах. Так, отец Ф. Брюн справедливо развенчивает т. н. явления Девы Марии в Межигорье (Хорватия, 30 июня 1981 г.) и показывает гнилые духовные плоды подобных прелестных видений: «Начнем с того, что на отца Йозо Зовко, францисканца, организующего эти явления, поступает столько жалоб от женщин самых разных стран, обвиняющих его в сексуальном домогательстве, что епископ наконец решил убрать его с этого места. Не отстают от него и отец Томислав Власич: за несколько лет

до начала упомянутых «явлений» от него забеременела одна монахиня, но гораздо хуже в этой истории то, что отец отказался признать отцовство, и понадобилось решение светского суда об установлении отцовства».

О. Франсуа Брюн не посягает на основы, тем не менее, следует воздать должное духовному мужеству автора, который правдиво показывает тот карнавал, который творится вокруг двусмысленных и обманчивых видений и явлений. В случае Женни Брюйер под ее гипноз попадали даже такие интеллектуалы, как кардинал Жан Питра, известный патролог и канонист.

Картина становится еще более гротескной, если мы вспомним, что «Женни Брюйер каждый год на Рождество неким «мистическим» образом производила на свет Младенца-Иисуса – малыша, которого, конечно же, никто никогда не видел, но которого она нежно кормила грудью, а потом с бесконечными предосторожностями передавала какой-нибудь другой избранной монахине, чтобы и та, в свою очередь, дала ему грудь». Сцена, достойная Тиля Уленшпигеля с его «невидимой картиной» или Нового платья короля Ганса Христиана Андерсена!

Отец Франсуа Брюн правдиво освещает историю с коммерциализацией подобных явлений – как в Межигорье, так и в Сан Дамиано (Северная Италия), к которому подключилась швейцарская фирма, заработавшая на видениях Розы Кватрини изрядный куш. Как пронизательно замечает автор: в Сан Дамиано не только процветала своеобразная мания величия, но и крутились большие деньги. В общем перед нами своеобразная версия советского фильма «Праздник святого Йоргена».

В книге о.Ф.Брюна отчетливо ощущается тот духовный и интеллектуальный хаос, в котором пребывает католический мир. В этом плане интересна фигура Джорджо Бонджованни, ученика популярного у уфологов ясновидца Эудженио Сирагуза. Джорджо утверждал, что якобы ему явилась «Святая Дева», возвестившая ему об избрании для очень важной миссии, возложившая на него кровавые стигматы. Раны на руках Джорджо Бонджованни действительно обладают необычными свойствами, однако его опыт признать христианским просто невозможно, поскольку для него Христос вместе с Кришной и Буддой – это всего лишь «существа, сошедшие со звезд и пришедшие из более развитых миров, – существа, которых мы обожествили». Перед нами – богословие (или лучше сказать теософия) оккультного направления «Нового Века», которая, однако, находит благоприятный прием среди новых католических богословов.

Разумеется, это не единственное, чем интересна данная книга. В ней присутствует разбор целого ряда интереснейших явлений – одержимости и экзорцизма, сатанизма и его причин, попытки выявления подлинных чудес. Стоит порадоваться, что такая книга выходит в свет и пожелать читателю радости в общении с этим замечательным автором и его незаурядным трудом.

*Доктор исторических наук,
профессор,
кандидат богословия
протоиерей Владимир Василек.*

Предуведомление

Эта работа содержит несколько глав, уже опубликованных в моей книге «Чудеса и другие необычные явления». Некоторые из них были значительно расширены, другие же совершенно новы, равно как вся подача материала в целом.

Как говорит апостол Иоанн, князь мира сего – Сатана. Между сынами света и сынами тьмы идет нескончаемая борьба, и положение усугубляется тем, что сыны тьмы могут облачаться в сынов света, и тот, кто якобы сражается во имя добра, на самом деле творит зло. Именно так и случилось с инквизиторами, за которых Церковь недавно просила прощения. Но история дает и другие примеры...

Мы видим лишь лицевую сторону того, что зовется миром, а прорисовка его узора в основном совершается с другой стороны – в мире невидимом. Мы не видим тех огромных сил, которые действуют, – не видим потому, что они действуют в нас самих.

Мы лишь можем – тут и там, мимолетно или отчетливо – улавливать их следствия: улавливать в некоторых «чудесах», в действиях самозванных мистиков, в ложных чудотворениях и явлениях, но также в истинной одержимости и самых настоящих сатанинских сектах.

Но кроме того мы видим и подлинные Божьи дела: видим необъяснимые исцеления, видим ту любовь, которая охватывает настоящих мистиков, избравших путь приобщения Христовым страстям, видим еще зримые следы этих страстей, и не только на Туринской плащанице, но и на многом другом, что до сей поры преисполнено Его страданием.

Введение

Мировая история – это не ведающая границ космическая борьба, непрестанно разворачивающаяся между Богом и Сатаной, причем не только в мире невидимом, но и в нашем зримом мире. И на карту здесь почти всегда поставлены мы сами. Если мы этого не поймем, мы не поймем и того, как устроена вселенная, и, оставаясь в полном неведении позволим, чтобы нами манипулировали. Ведь когда мировая история – это борьба сынов света с сынами тьмы, нередко случается так, что силы зла облачаются в ангелов света. Инквизиторы наверняка были искренне убеждены, что действуют во имя добра, и тем не менее Церковь недавно признала, что это было хуже ошибки, – это было преступлением. Сколько раз в мировой истории люди стремились осчастливить человечество, старались действовать во имя добра в своей борьбе со злом, а на самом деле лишь помогали злу распространяться по всей планете, и хуже всего то, нередко они делают это во имя Божье! Нам надо во что бы то ни стало научиться распознавать два огромных противоположных потока, чтобы вполне осознанно выбрать свое место и расстроить все коварные замыслы. Цель этой работы – показать, как неприятие чудесного, которое мало-помалу воцарилось в Церкви, как раз и является одной из этих коварных уловок и в сущности приводит к неприятию Бога, а значит – к торжеству зла, как бы его ни называли: Сатаной или Люцифером.

Однако в этой поступи нового века, когда человек, посетив Луну, вполне серьезно считает, что в скором времени он ступит и на Марс, в этом мире информатики и виртуальных образов, где кажется, будто техника господствует не только над материей, но и нашим духом и умами, мы тем не менее видим, как к нам возвращается чудесное – и возвращается в самых разных формах и зачастую наиболее лживо. Сегодня везде царствует великое смятение.

У всех государственных мужей – свои ясновидящие (прямо как в эпоху Ренессанса), всевозможные медиумы, возвещая о грядущих планетарных катастрофах, зарабатывают на этом целые состояния, видения «девы Марии» множатся почти так же, как появляются НЛЮ и совершаются похищения, якобы устраиваемые внеземными цивилизациями; статуи плачут или кровоточат, идолы рок-н-рола заключают договор с Сатаной; вести, исходящие от «Девы», «Христа» или прямо от «Бога-Отца» и зафиксированные с помощью «автоматического письма», буквально затопляют нас; в каждом большом городе множатся бесчисленные секты, а так называемые «харизматические группы» – скажем об этом прямо – порой мало чем отличаются от сект; на молитвенных собраниях «чудесные» исцеления совершаются прямо сотнями; через наши электронные приборы мертвые доказывают нам, что они по-прежнему живы; организуются международные конгрессы, посвященные «святой Туринской плащанице», ее вынос собирает толпы народа, но ученые, вооружившись дипломами, утверждают, что речь идет о фальсификации; почти везде «Новый век» говорит о какой-то смутной духовности, стараясь убедить нас, что Бога искать не надо, потому что мы сами – уже Бог: ведь лучший способ покончить с ним – это его заменить.

Как не потеряться во всей этой сутолоке? Очень хочется просто отбросить все и сразу. Да, это самое простое решение, и большинство ученых и богословов так и поступают. Но эта позиция уязвима. Хотим мы того или не хотим, но сегодня «чудесное» просто заполоняет нас. Уже в июле 1999 года «Фигаро» сообщила, что «по данным Национального синдиката издателей с 1988 по 1998 годы продажа литературы по эзотерике, оккультизму, спиритизму, астрологии, магии, теософии и алхимии... увеличилась более чем в два раза». Издатели считают, что речь идет о настоящем «поиске смысла» для тех, «кто не нашел ответа в интеллектуальных исследованиях или в традиционной религии» (1). И все говорит о том, что эта тенденция усиливается.

Спору нет, «чудесное» отвечает нашим очень глубоким потребностям, но верно и другое: существуют бесспорные явления, которые современная наука не может объяснить, и некоторые ученые начинают признавать их наличие. Кто-то видит в них «возвращение иррационального», но я считаю, что здесь просто-напросто возвращается здравый смысл, который сначала признает те или иные факты, а затем пытается их понять. Но это, конечно, не значит, что надо признавать только то, что мы можем понять.

Итак, я считаю, что, умея читать эти знаки, мы увидим, что чаще всего они свидетельствуют об огромной подземной борьбе добра со злом, борьбе сынов света с сынами тьмы, в которую – хотим мы этого или не хотим – все мы вовлечены.

ВИДЫ ЧУДЕСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Сначала надо признать, что эти знаки действительно существуют, а для этого Церкви и науке надо несколько расширить свой взгляд на мир. Мир не сводится к тому, что на сегодняшний день могут уловить наши чувства и орудия познания.

1) Чудесные явления могут свидетельствовать о вмешательстве тех естественных законов, которые обычно подавляются другими законами, но высвобождаются в определенных обстоятельствах, когда исчезает мешавшее им препятствие. Если кто-нибудь без парашюта падает с большой высоты, он, конечно, разобьется. Это следствие закона тяготения и хрупкости нашего организма. Но если у того же человека имеется парашют, он тоже падает довольно быстро, однако не разбивается. Здесь нет никакого чуда, никаких нарушений законов природы: просто давление воздуха, усиленное куполом парашюта, противодействует силе тяжести. Наверняка существует много явлений, которые полностью согласуются с законами природы, начинающими действовать только при исключительных обстоятельствах. Наверное, со временем это поможет понять природу особенно удивительных исцелений.

Например, мы имеем дело с неоперабельным раком, но вот хирурги проводят лапаротомию, т. е. сечение стенок брюшной полости, и опухоль сама собой полностью исчезает. Несмотря на всю сенсационность такого исцеления, хирурги, имевшие дело с этим случаем, все-таки считают, что речь скорее всего идет о совершенно естественном процессе исцеления: просто он еще плохо изучен, поскольку такие случаи встречаются крайне редко (2).

Кроме случаев сенсационного выздоровления в повседневной жизни встречается и определенная синхронность, которая тоже содержит в себе элемент чудесного (положительного или отрицательного), причем даже тогда, когда все известные законы природы функционируют нормально. При этом на уровне видимого мира нельзя выявить никакой чуждой ему силы, и только наш разум не может отделаться от удивления.

Есть много удивительных явлений, как будто неестественных и совершенно «необъяснимых», которые вполне можно объяснить именно так. Если какое-нибудь явление встречается крайне редко, то из этого еще не следует, что перед нами непременно чудо. В таком случае именно обстоятельства, наделяющие эти явления религиозной значимостью, могут дать им такое имя.

2) Чудесные явления могут соответствовать законам природы, которые нам еще неизвестны. Пока наша наука исследовала далеко не все области материального мира, и если эти законы нам еще не известны, то чаще всего причина в том, что пока мы редко с ними сталкиваемся. Но, может, и наши орудия познания еще не позволяют достичь определенного уровня реальности нашего материального мира. Сегодня мы начинаем понимать, что пространство и время не таковы, какими мы их считали, но еще не можем как следует это осознать. Что касается причины и следствия, то и в них остается много удивительного. Некоторые ученые, причем далеко не второстепенные, начинают говорить о так называемой ретрокаузальности, т. е. о такой причинности, когда следствие во времени предшествует самой причине.

Точно так же сегодня начинают говорить о возможном взаимодействии духа и материи. В случае с паранормальным исцелением Моники Кудерк (3) довольно трудно выяснить, какой была его основная причина. У Моники обнаружили рак шейки матки, и когда все онкологи пришли к выводу, что надо как можно скорее ее удалить, Моника отказалась от операции, решив, что сама будет искать путь к избавлению от недуга. Им оказался пост, улучшенное питание, а также воля, неколебимая вера и, наконец, молитва – ее и ее друзей. Перед нами, наверное, некое чудесное явление, совершенно сбивающее с толку наш здравый смысл, но тем не менее это не «чудо» в религиозном смысле слова. Скажем еще раз: только контекст, в котором эти явления возникают, может в том или ином случае наделить их таким качеством.

Два первых примера (редко встречающееся взаимодействие естественных законов и вмешательство тех законов природы, которые нам еще не известны) соответствуют тому, что можно было бы назвать «паранормальными» явлениями, но то, что сегодня кажется паранормальным, завтрашней науке вполне может показаться нормальным.

3) Наконец, чудесные явления могут производиться законами, которые обычно принадлежат иному уровню реальности, другому измерению, в котором, например, живут наши умершие. Поскольку вся совокупность творения образует истинное единство (даже если мы видим совсем малую его часть), вполне естественно, что в некоторых случаях законы этого другого измерения взаимодействуют с законами нашего материального мира.

Такие случаи можно назвать «сверхнормальными».

Наверное, именно так и было, когда Христос, умерев и воскреснув, явился апостолам во всей физической конкретике и даже предложил Фоме вложить перст в рану на своем боку. Но признать это значит выйти за пределы рационализма. Я знаю одного из моих дорогих братьев, человека неглупого, известного экзегета, критически настроенного по отношению к молодому поколению «изыскателей», который, однако, комментируя это евангельское свидетельство, заметил, что в тексте речь не идет о том, будто Фома на самом деле вложил свой палец в рану Христа. Для него явление Христа не совершилось конкретно в нашем материальном мире. Этот старый священник, профессор экзегетики и наверняка человек верующий, не мог допустить взаимодействия двух упомянутых уровней реальности, т. е. мира, предшествующего смерти, и мира после нее. Для него два мира существовали раздельно: мир материальный, который исследуют ученые, и мир потусторонний – совершенно недоступный и невообразимый, существующий как возможный предмет веры, но только при том условии, что он никогда не взаимодействует с миром, который изучает наука. Чтобы не было конфликта с утвердившимся знанием, необходимо, чтобы предмет нашей веры не имел никаких признаков существования, никаких материальных знаков. Налицо глубокая дихотомия между двумя мирами, но кроме того – на более глубоком уровне – между двумя образами мысли. Эту драму переживали многие ученые прошлого века, если они оставались верующими. С одной стороны – человек веры, который ходит в церковь, а с другой – человек из лаборатории, верящий только в то, что можно увидеть и к чему можно прикоснуться. В такой личности существовали два никак не сообщавшихся мира, и эти ученые были обречены на то, чтобы жить в некоей невыносимой шизофрении.

РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЧУДЕСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Итак, мы видели, что каждый паранормальный феномен, любое необыкновенное явление – не обязательно чудо. В зависимости от обстоятельств такое явление вполне может не иметь никакого религиозного значения, отрицательного или положительного, и тогда мы просто говорим о чем-то «мирском». Но в то же время какое-нибудь необыкновенное явление может быть делом духовно негативных, «дьявольских» сил. Наконец, его могут произвести и силы позитивные, «божественные», и тогда мы говорим о «чуде». Таким образом, характер необыкновен-

ного явления в немалой степени зависит от трех различных причин, которые и определяют всю его значимость. Я уже закончил первую редакцию этой книги (для первого ее издания), когда вдруг понял, что всего лишь воспроизвожу наставления, которые кардинал Ламбертини, позднее ставший папой Бенедиктом XIV, дает в своем знаменитом трактате о канонизации святых (4). В этом труде он обстоятельно рассматривает все случаи, которые только могут представиться. Полностью их перечислить невозможно, поскольку это плод довольно долгого опыта. В 1701 году папа Бенедикт XIII назначил его «адвокатом дьявола». Во время канонизации он должен был отыскивать все имеющиеся документы или доводы, способные показать, что кандидат на святость не достоин считаться святым. Он выполнял эту обязанность более двадцати лет, причем не просто как эрудит, заваленный книгами в своем кабинете: он проводил расследование на месте, собирая факты и внимательно опрашивая свидетелей. И сегодня во время процессов канонизации по-прежнему ссылаются на этот трактат, даже если впоследствии и появились некоторые изменения в самой процедуре, сделанные в 1983 году папой Иоанном-Павлом II (5).

Итак, в первой части мы рассмотрим несколько совершенно необычных случаев: это природные, но необыкновенные явления, абсолютно необъяснимые современной наукой, хотя со временем мы, наверное, сможем понять их лучше.

Во второй части мы опишем некоторые проявления зла – от самых скрытых, до самых вопиющих: всех их можно назвать злыми «чудесами».

Наконец, мы увидим, как Бог и силы любви сражаются с силами зла, причем иногда тоже с помощью необычных явлений, глубинный смысл которых мы, однако, постараемся понять, заглянув по ту сторону их чисто внешней необычайности. Таковы чудеса Божьи.

I.

Естественные «чудеса»

«Дом с лицами» в Бельмесе

То, о чем мы поговорим в этой небольшой главе, не имеет отношения к вере – ни к вере в Бога, ни к вере в некую пагубную силу. Таким образом, духовное значение этих фактов не велико, и тем не менее они по-настоящему интересны, потому что сама их необычность, совершенно необъяснимая с научной точки зрения, заставляет нас признать ограниченность наших знаний. Это первое прикосновение к тайне, первая встреча с тем измерением нашей вселенной, которое обычно совершенно ускользает от нас и о существовании которого мы даже не подозреваем. Благодаря своему простому наличию эти факты заставляют нас усомниться в обоснованности чисто материалистического и лженаучного взгляда на мир, каковой чаще всего мы и имеем. Это самый первый шаг – еще довольно робкий – к гораздо более важным открытиям. В своем рассказе я прежде всего основываюсь на уже распроданной книге Хосе Мартинеса Ромеро (6), а также использую краткое исследование Лоренцо Фернандеса Буэно (6), но особенно для меня важны личные встречи с моим другом Соль Бланко Солер из группы «НЕРТА», изучающей паранормальные явления под руководством отца-иезуита Хосе-Мария Пилона, который первым много лет назад рассказал мне об этих таинственных событиях.

Исторический фон событий

Этому явлению уже немало лет: все началось 23 августа 1971 года, но продолжается по сей день, и потому у нас есть возможность достаточно хорошо проследить его развитие. Немецкий ученый Ганс Бендер, крупный специалист в области паранормальных явлений, руководитель Исследовательского института при Фрейбургском университете, считает, что мы имеем дело с самым необычным событием столетия.

Бельмес де ла Мораледа – небольшая деревня в провинции Хаэн, что на юге Испании, а точнее в Андалузии, затерявшаяся на высоте под названием Сьерра-Махина, которую нередко – и, как говорят, не без оснований – называют Sierra Magica, т. е. «Магический кряж». Здесь живут земледельцы и скотоводы. Когда-то давно в трех километрах от Бельмеса находился небольшой римский форт, потом – арабская крепость, от которой сегодня остались одни развалины. Еще в 1448 году эти места были отвоеваны у мавров, а сегодня здесь проживает около трех тысяч человек.

В деревне есть приходская церковь, освященная во имя Пресвятой Девы Марии Мира (Notre-Dame de la Paix). Она была построена в 1966 году – приблизительно там, где стояла старая церковь, воздвигнутая в 1554 году. Тем не менее местоположение старой церкви не совпадало с новой: она была построена на другом участке, где, как говорят, находился римский храм, а потом мечеть. Вокруг церкви раскинулось кладбище, которое, согласно архивам местной коммуны, использовалось до 1830 года. Когда его закрыли, Хуан Санчес и Мария-Антония Мартинес приобрели часть участка, на котором построили дом. Именно это нас и интересует. Дом фактически был построен на кладбище: во время земляных работ, а также после оседания почвы, вызванного дождями (обычное дело в этом регионе), в его подвале, а также в подвалах соседних домов появлялись человеческие кости.

В настоящее время это дом под номером 5 на улице Родригеса Акосты. Он занимает приблизительно семьдесят квадратных метров и частично находится на месте старой церкви

и ее кладбища. Фасад выходит на небольшую площадь. С улицыходишь прямо на кухню, в глубине которой – камин и плита, где и происходили необычные явления.

В ту пору дом № 5 был соединен с нынешним домом № 7. Все началось с того, что Рамону, дочь первых владельцев дома, а также самих Хуана и Марию Мартинес в некоторых комнатах стала охватывать непонятная тревога, но этим дело не кончилось. Казалось, что по крыше кто-то ходит, слышался стук и прерывистое дыхание. Говорили, что в соседнем доме, который стоял особняком, слышался какой-то странный шум и появлялись призраки. Вдобавок ходили слухи, что двести лет назад там зарезали двоих человек. Что касается нашего дома с его странными «лицами», то в ту пору в нем, напротив, ничего необычного еще не видели.

Хозяином дома был Хуан Перейра Санчес, пастух и земледelec семидесяти шести лет. После смерти первой жены он женился во второй раз на Марии Гомес Камара. У них родилось трое детей. Один из них, Мигель, жил вместе с ними. Когда начались странные события, ему было двадцать восемь лет, а его матери Марии Гомес пятьдесят восемь.

Начало

23 августа 1971 года на сером цементном полу кухни, неподалеку от плиты, появляется странное пятно, которое постепенно меняется, становясь более темным. Мария увидела его, когда в очередной раз ставила кастрюлю на плиту. На ее глазах медленно вырисовывается страшное «лицо», которое смотрит прямо на нее. Она пытается стереть его, но ничего не получается. Зовет соседей, чтобы убедиться, что ей не причудилось. Новость сразу же облетает не только деревню, но всю Испанию и даже другие страны. Многочисленные газеты и журналы отводят для нее первые полосы. Сразу же появляются бесчисленные объяснения, порой совершенно фантастические. Кто-то, например, видит в нем святой лик Спасителя из кафедрального собора города Хаэн. Всю неделю появившийся образ медленно меняется. Его глаза открыты и очень выразительны. Они нагоняют страх на всю семью, и, в конце концов, Мигель разбивает его мотыгой, а потом заделывает дыру в цементе. Все как будто стало по-прежнему.

Но в начале сентября появляется новое «лицо» – еще более четкое. На этот раз поспешила вмешаться встревоженная мэрия. Было решено вырезать и убрать то место, где оно появилось. Оправившись от первого страха, Мария Гомес заделала дыру, которая была заставлена стеклом. Вырезанный фрагмент цемента составлял шестьдесят сантиметров в высоту и сорок в ширину. «Лицо», появившееся на нем, останется самым большим из всех тех, которые появятся потом. Те, кто видел первое «лицо», утверждают, что черты второго более грубые, плотные, глубокие. Кроме того, на этот раз «лицо» появлялось постепенно: сначала глаза, потом нос, углы губ и рот, окаймленный двумя глубокими складками, похожими на усы и придающими ему драматическое выражение, и, наконец, короткая борода и овальный контур всего «лица». Черные брови, ясные глаза, зрачки – все было очень четким, и возникало впечатление какой-то насыщенной жизни. Когда появившееся изображение поскоблили, не обнаружили ничего, кроме цемента, песка и глины. С годами «лицо» менялось, и сегодня это просто какое-то безобразное и страшное пятно.

В том месте, где появилось изображение, проделали дыру около полутора метров в диаметре и глубиной около трех метров: в дыре обнаружили два булыжника и две дюжины костей, в том числе и останки подростка. Кроме того, из дыры извлекли несколько образцов подвальной почвы, которую собрали в шесть небольших мешков. Кости отправили в университеты Гранады и Мадрида, где определили время их появления – около ста шестидесяти лет тому назад. Дыру в цементном полу сразу же заделали.

Но через четыре дня, 10 сентября 1971 года на том же месте начинает появляться новое «лицо», правда, не такое четкое. Напуганный этими «лицами», появляющимися столь таин-

ственно и беспричинно, Мигель вырезал новое изображение и бросил в угол у плиты, где оно расколосось на куски. Пол снова замуровали.

Потому появляется новое изображение: молодая, очень красивая и, по всей видимости, счастливая женщина с распущенными волосами, словно их разметал ветер. Позднее мало-помалу вокруг нее появляются еще восемь «лиц». На этот раз вся семья решает не вмешиваться в происходящее, но теперь беспокойство проявляет духовная власть.

Слухи о странном явлении распространились очень быстро, и в первое полугодие каждый день в этот дом приходило до трех тысяч человек! Видя такой ажиотаж, теперь уже забеспокоились светские власти: чем накормить такую толпу? Надо было любой ценой показать, что все это – лишь чья-то неуместная и глупая шутка. Целых семь месяцев в здании, что напротив, днем и ночью дежурят жандармы, надеясь поймать того, кто помогает этому семейству ломать комедию.

Через четыре года, 1 ноября 1975 года на небольшой кухне этого дома появляется дон Герман де Аргумоса и Вальдес, которого пригласил губернатор Хаэна. Светские и духовные власти просто в бешенстве. Дон Герман – один из первых в Испании, кто начал исследовать паранормальные явления. Я несколько раз встречал его в Мадриде в связи с другими необычными явлениями, о которых мы еще поговорим. В тот день он появился не один: его сопровождала целая дюжина других исследователей, решивших как следует изучить пол в этой кухне и разгадать тайну необычного явления. Решено было вырезать ту часть пола, где появилось изображение «лица», которое прозвали «постриженным», и в тот же день Мигель снова заделал дыру. Потом выяснится, что все вырезанные фрагменты состоят из обычных компонентов, характерных для цементного пола (правда, надо было учитывать и различные добавления, необходимые для того, чтобы поддерживать пол в чистоте).

18 ноября 1975 года на том же месте начинают появляться новых «лица», а через два дня было решено сделать их фотографические снимки.

В середине апреля 1976 года эти изображения начинают исчезать, но на их месте появляются новые – различной формы и довольно смутных очертаний. Наверное, по этой причине власти Бельмеса решили, что тревожиться не надо. Целых четырнадцать лет в деревне как будто царил покой, но начиная с июля 1990 года «лицами» заинтересовалось новое поколение исследователей. Появились новые изображения: целые тела, причем обнаженные, и снова «лица», довольно четко очерченные. Разглядывая их, посетители каждый раз находили сходство с известными персонажами.

Формирование «лиц»

Исследования показали, что в данном случае нельзя говорить о живописи: во всех изображениях не было никаких искусственных химических добавлений. Все попытки стереть их с помощью каких-либо моющих средств оказались безрезультатными: они на один или два миллиметра пропитывали облицовку пола, сделанную для того, чтобы пол был гладким. Казалось, что плита была эпицентром формирования этих изображений, и наиболее прочными были те, которые были к ней ближе всего.

Благодаря фотографированию можно было довольно точно проследить процесс формирования изображений. Стремясь исключить возможность обмана, профессор Ганс Бендер (Фрейбургский университет в Брейсгау) вместе с уже упоминавшимся Германом де Аргумоса опечатали дверь на кухню, а также окна и камин. Кроме того в течение нескольких недель пол был покрыт опечатанным пластиком. В этот же день Мигель Родригес Монтавес сделал более тридцати трех фотоснимков, не считая тех, которые сделал нотариус, контролировавший чистоту эксперимента. Все происходящее было показано по немецкому телевидению. Когда настало время снять печати, в присутствии того же нотариуса были сделаны другие фотогра-

фии, показавшие, что изображения формировались самостоятельно, без всякого плутовского вмешательства. За это время успели сформироваться новые «лица». Чтобы не нарушать привычную жизнь семьи, на время всего эксперимента на кухне оборудовали другую комнату. В течение трех месяцев (пока указанные места были опечатаны) новые «лица» проступали на полу этой новой комнаты и, наконец, даже у входа в дом. Когда Марии предложили на какое-то время переселиться в другое жилище (чтобы убедиться, что появление изображений не связано с ее присутствием), она, слегка рассердившись, ответила, что лучше бы эти «лица» убралась из дома.

В последующие годы их число росло, и порой в одно и то же время можно было насчитать от пятнадцати до двадцати «лиц». Мигель Монтавес сделал более трехсот негативов этих изображений. Именно спонтанное их формирование и доказывало, что о мошенничестве не могло быть и речи, и как раз здесь все попытки скептиков выявить обман потерпели неудачу. Они тоже рисовали на цементе что-то похожее на «лица», но их образы оставались неподвижными: время шло, а они никак не менялись, чтобы уступить место другим «лицам».

В первом же случае все было по-другому: «лица» постепенно исчезали, но лишь для того, чтобы появились другие, в которых использовались некоторые прежние черты. Поэтому нередко можно было наблюдать определенное «скольжение» образов: новые лишь отчасти покрывали прежние. Так, например, из «лица» молодой красивой женщины сформировались изображения, которые теперь называют «монахом» и «монахиней». Поневоле начинаешь думать о какой-то разумной силе, которая вот так экономит свою энергию. Тем не менее главные образы никогда не замещались другими, хотя с годами менялись. Второе «лицо», которое теперь запечатано в стене кухни, менялось в течение пяти лет, и сегодня оно стало больше.

Впрочем, порой встречаются не только «лица», но и целые «тела»: например, лысый старик с большой бородой и скрещенными руками. У него твердо сжатый рот, а в маленьких глазах застыл грустный, даже горестный вопрос. Черты «лица» несимметричны. Специалисты по акупунктуре, прибывшие из Валенсии, с удивлением обнаружили, что все его энергетические точки совпадают с точками живого человека. 1 ноября 1975 года часть цемента, на котором появился этот силуэт, была вырезана и поставлена рядом со стеной. Появилось другое «лицо», не слишком выразительное, но довольно четкое, причем полуоткрытый рот позволял увидеть несколько зубов. Вокруг него очень быстро появились несколько «персонажей», прежде всего старики и дети: все они полны жизни и очень выразительны.

Хосе Мартинес Ромеро, на которого мы опираемся, когда речь заходит о фактах, определенным образом классифицировал эти «лица». Он проводит следующие различия: основные образы, неподвижные образы, наполовину подвижные и мимолетные. Некоторые из них кажутся неподвижными, но на фотографиях можно увидеть почти незаметные изменения. Некоторые «лица» просуществовали всего один или два дня: их появление можно было наблюдать воочию, что исключает всякий обман. Какое-нибудь «лицо» может проступить за две минуты или за полчаса. 16 февраля 1975 года более восьми человек наблюдали появление очередного изображения в глубине очага. Оно появилось за две минуты. Решив вмешаться в происходящее, Хосе Ромеро накрыл изображение рукой, а потом мокрой тряпкой, но никак не смог помешать его возникновению или исказить его. В тот же день Рафаэль Гарсия Бланко пытается силой мысли изменить другое «лицо», уже сформировавшееся. Оно действительно меняется: его выражение становится более мягким. Изменение, достигнутое таким образом, продержалось два или три дня, а потом «лицо» приняло свой прежний горестный вид. Ни разу несколько «лиц» не появлялись в одно и то же время, но когда Рафаэль Бланко силою мысли изменял это грустное «лицо», начал появляться другой, мимолетный образ.

Художник Хосе де Хорна Лопес сравнил появляющиеся персонажи с примитивной готикой: «Это похоже на византийский или романо-византийский стиль; все очень сильно напоминает каталонскую и романо-испанскую живопись, но есть и отличие... Если бы это была

живопись, то можно было бы говорить о чем-то совершенно новом. Но это не живопись. Это не произведение искусства, созданное руками человека – в этом я уверен, совершенно уверен; к тому же оно не было задумано человеком». Эти «лица», – продолжает художник, – созданы так просто, настолько просто и в то же время так прихотливо, что я не думаю, будто кто-нибудь может создать нечто подобное» (8).

«Аппорт»

15 декабря 1973 года, в половине первого, когда «дом с лицами» был пуст, Хосе Энрике Гереро де Гиндос устанавливал на кухне магнитофон. Было решено проверить весьма необычное предположение: поскольку появление «лиц» совершенно сбивало с толку, некоторые исследователи решили что, быть может, это жертвы какой-то резни хотят привлечь к себе внимание и рассказать об обстоятельствах своей смерти. Если им удалось изобразить на полу собственные лица (и сделать это без помощи красок), то, может быть, они каким-нибудь образом запишут свои голоса на магнитофонную ленту? В эксперименте принимал участие другой исследователь – Мигель Родригес Монтавес.

Сначала Хосе Гереро осматривает место, фотографирует камин и закрывает небольшое окно с видом на улицу и дома. Три магнитофона готовы к работе: первый установлен рядом с «лицом», которое вставлено в стену и закрыто стеклом; второй (на катушках) расположен в центре комнаты, третий – направо на небольшом столе в углу кухни. Все три аппарата расположены по диагонали, но на некотором удалении от камина. Включив магнитофоны, Хосе Гереро выходит из кухни, закрывает двери, отделяющие ее от небольшой прихожей, и располагается в новой кухне, откуда можно наблюдать за дверью, не давая никому войти.

Поначалу ничего не происходит, но, войдя около трех часов утра в старую кухню, Хосе Энрике Гереро видит, что на магнитофоне, который находится в центре комнаты, лежит какая-то губчатая масса, похожая на сухую серую грязь с розоватым оттенком, лежит солома и поверх всего – речной камень, а точнее нечто вроде круглого и гладкого булыжника. Дверь и окно плотно закрыты. Никакой грозы не было. Даже если эта странная смесь свалилась через дымоход, то как она могла оказаться как раз на магнитофоне, да еще посередине комнаты? Откуда взялся этот камень с грязью и соломой в придачу? Какая сила их принесла? В парапсихологии такое явление называется «аппортом». Заметим, что если камень падал, то он не разбил коробку магнитофона. Может быть, в этом была какая-то весть?

Паранормальные фотографии

19 января 1975 года Хосе Энрике Гереро делает несколько цветных фотографий появившихся «лиц», и одновременно Хосе Мартинес Ромеро и его группа фотографирует «лица» для своих собственных исследований.

При печатании фотографий обнаруживается нечто интересное: на одной из них при фотовспышке свет отражается на поверхности цемента, но при этом обнаруживаются элементы его разложения. Ничего такого не было замечено при самом фотографировании. Внимательнее рассмотрели негатив этой фотографии, в углу обнаружили какую-то смутную фигуру, которая (когда негатив увеличили) напомнила священника с митрой на голове. Как она возникла? Если бы какой-то изъян был в самом фотоаппарате, тогда то же самое появилось бы при проявлении других фотографий. Этот феномен так и не удалось объяснить. Одна из этих фотографий, примечательная с эстетической точки зрения, завоевала приз на конкурсе, который состоялся 22 мая 1976 года.

Магнитофонные записи

Кроме того, исследователи столкнулись с феноменом эхо, который довольно сильно их заинтересовал. 16 февраля 1975 года Хосе Антонио Гарсия Перес с несколькими другими исследователями решил включить магнитофон в кухне с «лицами». Настроенный несколько скептически и ничего не говоря своим товарищам, он включает магнитофон и несколько раз отрывисто постукивает шариковой ручкой: для того, чтобы знать наверняка (если вдруг его товарищи начнут утверждать, что они слышали что-то загадочное), что они дали ему ту самую пленку.

Чтобы повысить качество прослушивания, было решено устранить глубинные шумы. Ничего сверхъестественного на пленке не было, но, убирая эти шумы, расслышали те самые постукивания, которые сделал Хосе Антонио. Сам он вышел на улицу поговорить с товарищами.

В это время другие исследователи делают свою запись и с удивлением обнаруживают, что почти неслышные постукивания, которые раньше сделал Хосе Антонио, появляются и на их пленке, но теперь они гораздо слышнее. Что же произошло?

Другие записи оказались еще интереснее – и не только повторением озадачивающего акустического феномена, о котором я только что сказал, но и самим содержанием полученных сообщений. К исследованию магнитофонных записей приступили профессор Герман де Аргумоса, видный специалист в области паранормальных явлений, специально приглашенный в Бельмес, а также Хосе Солас, руководитель отдела гуманитарно-социальных наук Мадридского университета, приехавший вместе с целой дюжиной своих студентов. В газетах появились заголовки о том, что «лица заговорили». И действительно на магнитофонной ленте можно было расслышать слова: несколько несвязные, но тем не менее вполне соответствовавшие выражению некоторых «лиц». «Пьяный! Я не принимаю здесь пьяных!». И затем пугающее хныканье умирающего ребенка. Или еще: «Бедный Кико...» – и горькие рыдания. Также слышны пронзительные и нескончаемые крики, перемежающиеся рыданием, – крики человека, охваченного страхом: целый час раздаются восклицания и слышатся шумы, производимые окружающей обстановкой. «Иди вместе со всеми!». «Входи, женщина, входи». Секс, насилие, вино, разговоры, которые ведут в борделе, выстрелы – и поверх всего этого страшные стоны детей. Наверное, какая-то резня? Некоторые фразы кажутся более связными: «Герман, долби пол, поднимай цемент». «Здесь начинается ад». Записи велись несколько недель. Был собран богатый материал, и все записанное – слова и различные шумы – наводило на мысль о чем-то драматическом и страшном (9).

Агрессия незримого

А теперь вкратце расскажем об одной семейной паре, которая, посетив «дом с лицами» ради того же простого любопытства, уже на следующую ночь пережила нечто весьма интересное. Она еще не спала, а муж уже заснул. Вдруг, продолжая спать, он начал наносить ей сильные удары кулаком, она с трудом дотянулась до выключателя и включила свет. Когда муж, наконец, проснулся, он сказал, что ему приснился кошмар: кто-то черный пытался его задушить. Его нос был в крови, но на руках (так же, как и на руках жены) не было никаких следов крови. Они вместе помолились, а потом он закурил сигарету. Жена склонила голову на его плечо и скоро заснула. Но теперь она во сне почувствовала, что ее душат чьи-то руки. Вскрикнув, она проснулась и быстро села на кровати. Интересно, что на этот раз все случилось при зажженном свете и муж, который не спал, не увидел вокруг ничего необычного, когда жене почудилось, что чьи-то руки легли ей на горло.

Целую неделю на носу мужа оставался шрам, и у обоих сохранилось довольно тягостное воспоминание о том, как они стали жертвами агрессии, причиненной кем-то незримым.

Первые наблюдения

Когда изъятые образцы «лиц» были подвергнуты спектрографическому анализу и сопоставлены с другими фрагментами цементного пола, где не замечалось ничего необычного, стало ясно, что ничего странного и необычного нет и в том составе цемента, где появлялись «лица». В 1991 году образцы отправили в Институт стекла и керамики, а затем в 1994, 1996 и 1998 годах их обследовали X-лучами, не обнаружив никакой подделки. Не было обнаружено никаких следов серебра, цинка, свинца или хрома. Не обнаружили и никакого пигмента. Одним словом, о живописи говорить было нельзя. Вдобавок, как считает художник Хосе де Хорна Лопес, внимательно исследовавший «лица», они словно слегка проступают сквозь верхний слой глазури, а по мнению авторитетного инженера-строителя, которого попросили высказаться по поводу этого явления, исследуемый цемент почти исключает возможность какого бы то ни было обмана: он продолжает затвердевать, а значит, никакие химические модификации просто невозможны.

Хуан Перейра заметил, что бывают дни, когда эти изображения видны лучше, а Хосе Ромеро, решив, что они как-то связаны с уровнем влажности в атмосфере, провел эксперимент с одним из фрагментов, который ему передала госпожа Перейра. 11 сентября 1974 года, готовясь сфотографировать изображение, он увлажнил его поверхность. «Лицо» сразу же стало четче. Прием известный: например, перед показом древней мозаики ее часто слегка смачивают водой. По характеру своего возникновения эти «лица» как будто напоминали фресковую живопись: фрагмент, который исследовал Хосе Ромеро, был словно покрыт сетью тонких жил. Довольно слабое подспорье какому-нибудь научному объяснению!

Некоторые исследователи, помня о том, что в подвале дома были найдены кости, попытались связать их наличие с образами, проступившими на цементном полу. Однако внимательное исследование этих изображений (особенно скоротечных) показало, что их возникновение никак не связано с подвалом: они появлялись именно на поверхности, причем на всей. Что касается долговременных изображений, то они словно использовали прожилки, имеющиеся на цементе, и хотя формировались медленнее, но зато получались более четкими.

По-видимому, «лица», вырезанные из цементного пола, потом не претерпевали никаких изменений. Это касается не только фрагмента, исследованного Хосе Ромеро, но и еще одного появившегося «лица», которое Мигель тотчас же вырезал из цемента и бросил в угол, не дав ему окончательно сформироваться. Отсюда можно сделать вывод, что «лица» перестают формироваться, как только их вырезают из цементного пола. Кроме того, необходимо, наверное, чтобы вырезанный фрагмент был удален от того места, где изображение начинало складываться: когда извлеченный из цемента образ вставляли в стену на кухне, он годами продолжал изменяться. Кроме того, необходимо отметить еще одну деталь, на которую обратили внимание несколько очевидцев: взгляд изменял свое направление (а также казалось, что вся голова поворачивается на 180°). Но еще невероятнее было следующее: изображение, вставленное в стену и закрытое стеклом, медленно передвигалось к плите, где оно впервые появилось. Одним словом, все происходило так, как будто в этом месте (и только в нем) действовали какие-то неведомые силы.

Хосе Ромеро полагает, что в общих чертах эти силы похожи на те, которые производят эктоплазму. Он сам видел, как во время возникновения «лиц» сначала на полу появлялось нечто вроде сероватого облака, которое постепенно как будто уплотнялось. Другие это тоже замечали, но даже если предположить, что эта гипотеза в какой-то мере верна, все равно очевидно, что оба явления сильно отличаются друг от друга. Эктоплазма появляется только в при-

сутствии медиума, выходит прямо из его тела (носа, ушей или солнечного сплетения), похожа на беловатый пар, который постепенно густеет и становится плотным. Затем эта странная беловатая масса может принять вид умершего человека, с которым медиум устанавливает связь, и перемещаться по комнате. Ее можно фотографировать, а порой она даже говорит. Нередко ее просят окунуть руку в глицерин, чтобы получить с нее слепок (в Парижском международном метафизическом институте хранится много таких муляжей). «Лица», о которых мы говорим, не имеют ко всему этому никакого отношения. Если предположить, что их возникновение как-то связано с присутствовавшим в доме медиумом, то сразу надо отметить, что если он и был, то не всегда находился на кухне (и, следовательно, некоторые «лица» возникали без его присутствия), а сероватое облако, находившееся там, где они формировались, не выходило из его тела.

Эти изображения не формируются в результате трансформации химических элементов на уровне атомов. Если бы это было так, тогда можно было бы наблюдать радиоактивное излучение, чего как раз и не было замечено. Наверное, здесь мы имеем дело с перемещением элементов, образующих цемент, т. е. с движением на молекулярном уровне. Все сказанное позволяет провести аналогию с материализацией и дематериализацией, телекинезом и другими явлениями из области парапсихологии. К тому же можно вспомнить и об инверсии причинно-следственной связи и о новой концепции времени и пространства. Хосе Мария Пилон лично провел радиэстезиологический анализ пола на кухне, чтобы исключить какие-либо особые обстоятельства, которые могли бы способствовать формированию этого феномена (например, возмущение электромагнитного поля, течение воды и т. д.). Дело в том, что уже в Х веке начались разговоры о каком-то теллурическом течении, которое будто бы пересекало весь регион Бельмеса: ему даже дали название – «облачная дорога». Если земельные участки находились на этой «дороге», их цена росла, потому что земля на них считалась более плодородной. Однако Пилон не нашел здесь ничего необычного (кроме того, что маятник начинал качаться в месте захоронения человеческих останков).

Однако каким бы интересным все это ни было, мы все-таки ничего не можем сказать о том процессе, который предшествовал появлению «лиц» на кухонном полу этого бедного дома в Бельмесе.

Правда, одна особенность придает исследованиям Хосе Ромеро более четкое направление: есть основания полагать, что на появление «лиц» повлияла смена времен года, и, по его словам, это объясняется изменениями в метаболизме возможного медиума. Известно, что они более чувствительны к обстоятельствам, которые сказываются на их способностях (усталость, болезнь, холод, жара и т. д.).

В поисках разгадки

Хосе Ромеро выдвинул строго научную гипотезу. Основываясь на многочисленных сообщениях о природе энергии, которая исходит от уже мертвого тела, принимая во внимание фотографический эффект Кирлиана, когда на фотографии виден энергетический образ уже исчезнувших частей древесного листа или ампутированной части тела, он пришел к выводу, что какие-то давние события оставили свой отпечаток, который существует (и порой веками) в виде неких призраков, ставших заложниками того места, где разыгралась драма. Наверное, какой-то медиум бессознательно уловил этот отпечаток и помимо своей воли спроецировал его. Во всем этом не было никакого потустороннего вмешательства уже умерших людей: все происходило лишь в нашем привычном материальном мире. Но о каких событиях здесь можно говорить? Трудно предположить что-либо конкретное, если к тому же учесть, что эти «лица» (как считают все, кто их видел) не принадлежат к какой-то одной расе. Так, например, «лицо» которое прозвали «монахом» (быть может, несколько поспешно), имеет явно семит-

ские черты, и его, наверное, лучше было бы назвать «раввином». Персонаж, которого зовут «постриженный», представляет собой вполне восточный тип. По всей вероятности, нельзя говорить о том, что все изображения соответствуют людям, жившим в одно и то же время. Одни больше похожи на людей средневековья, другие напоминают лица с офортов Гойи, третьи просто спокойно улыбаются. Но есть и такие, которые выражают удивление, боль и страх. Рассказывают, что во время наполеоновского нашествия жители этих мест убили одного французского офицера, а его тело бросили в хлебопекарную печь. Когда французские войска вернулись, население подвергли репрессиям, но мужчины ушли в горы, чтобы продолжать партизанскую войну. Остались только женщины, дети и старики. Вот почему, наверное, почти все появлявшиеся изображения принадлежат к этим трем категориям.

Постичь тайну пытались по-разному. Некоторые исследователи обращались к медиумам, но результаты разочаровывали. Так поступил профессор Гарсия Карбалло, работавший с медиумом по имени Саломе. Вывод был однозначным – сплошная ложь! Дон Герман де Аргумоса обратился к другому медиуму – Ане Этшеник. Она сказала, что «лица» готовы заговорить, но им это не удастся. Они якобы кружат по жилищу.

16 февраля 1975 года Хосе Мартинес Ромеро присутствовал на другом эксперименте: на этот раз с участием медиума Рафаэля Гарсия Бланко. Когда его наполовину погрузили в гипнотическое состояние, гипнотизер одну руку положил на «лицо», а другой взял руку медиума. Тот упал со стула и ударился об пол правым виском. Он не вставал и как будто находился в эпилептоидном состоянии. Наконец, что-то резко почувствовав, он пришел в сознание и рассказал о том, что видел. По его словам он находился в «каком-то плохо освещенном подвальном жилище. Посредине, на длинном, неотесанном столе лежала рука, похожая на руку трупа, и нож, а точнее – длинный кинжал с черной рукояткой. Он также видел свечу в черном подсвечнике, какой-то черный силуэт, голые ноги, длинное одеяние из очень грубой ткани». Кроме того, ему показалось, что что-то неистово било его. «Какие-то лица... кровь» (10).

Позднее другой гипнотизер пытался ввести его в транс, чтобы узнать подробности, но безуспешно. Окончательно придя в себя, медиум сказал, что, лежа на полу, он наблюдал эту сцену с полным равнодушием, как во сне, и даже не почувствовал боли, когда его голова ударилась о пол. Боль он ощутил только тогда, когда пришел в себя.

Однако, мне кажется, что Хосе Мартинес Ромеро был прав, когда сказал, что участники этого эксперимента заранее знали о том, что происходит в Бельмесе, и потому каждый из них, что-то выдумал относительно всего происходившего. Кроме того, вполне возможно, что участники эксперимента телепатически влияли на подсознание медиума. Стало быть, этот метод так и не разгадал тайну «лиц»!

Хосе Мартинес Ромеро считает, что всему причиной была сама хозяйка дома, Мария Гомес, хотя она и не подозревала об этом, и надо сказать, что есть обстоятельства, которые как будто подтверждают эту версию. Когда, например, она заболела, «лица» тускнели, и нам прямо говорили, что о состоянии ее здоровья можно догадаться, посмотрев на пол в кухне! Она сама без обиняков говорила, что лучше бы все это прекратилось: ведь эти странные изображения стали частью ее жизни – особенно после смерти мужа в 1986 году. Она охотно рассказывала о «лицах», которые появляются на полу кухни. Они словно стали ее товарищами и скрашивали одиночество. Ее старые школьные друзья рассказывали, что медиумом она была с детства. Они, например, не любили сидеть в классе рядом с нею: она ощущала резкие толчки и слышала странные голоса.

Итак, с точки зрения Хосе Мартинеса Ромеро всему причиной являлась сама Мария Гомес, но она была лишь посредником той воли и сил, которые теперь находятся в потустороннем мире. Есть мнение, что она могла быть знакома с человеком, который при жизни любил живопись и рисунок. Кроме того, когда изучили семейную фотографию, находившуюся в доме сестры Марии Гомес, с удивлением обнаружили, что некоторые лица на ней сильно схожи с

«лицами» на кухне. Тогда изучением семейных фотографий занялись более основательно и выявили явное сходство пяти или шести лиц с изображениями, появлявшимися на кухне у Марии. Это навело на мысль, что «лица» на кухне связаны с последней гражданской войной в Испании, но другие исследователи заявили, что такое предположение слишком ненадежно. Такими сравнениями легко манипулировать, и, кроме того, почти все появившиеся «лица» никак не связаны с семьей Марии. В начале февраля 2004 года Мария Гомес ушла в том мир, откуда, наверное, и появлялись эти «лица». Посмотрим, скажется ли ее смерть на этом странном феномене. Если появление «лиц» было связано с ее присутствием, тогда со временем они должны поблекнуть.

Пока мы, наверное, можем согласиться с мнением профессора Ганса Бендера, который на конференции в Мадриде заявил, что «причиной событий в Бельмесе, наверное, стали какие-то страждущие души». Так считают многие. Дом в Бельмесе – это дверь в потустороннее, и появление «лиц» – это крик о помощи: крик тех умерших, кто не нашел покоя.

Подводя итог, можно сказать, что в любом случае речь идет о действительно необычном явлении или скорее о совокупности необычных явлений, причиной которых не было однократное «точечное» вмешательство сверхъестественной силы (как это обычно бывает, когда совершается подлинное чудо): эти явления разворачиваются во времени и тянутся много лет. Если не принимать во внимание странной агрессии, которой подверглась упомянутая нами семейная пара (и связь которой с «лицами» остается достаточно смутной), нет никакого основания усматривать во всем этом проявление божественной или дьявольской силы. Ясно, что причины этого необычного явления трагичны (и мы это видели), но само появление «лиц» не вызвано добрым или злым намерением. Смысл всему происходящему даем именно мы, видя в произошедшем доказательство того, что тайна окружающего нас мира – даже в самом материальном своем аспекте – гораздо глубже, чем то, что говорит нам наука. А это уже немало!

«Облегченная коммуникация» и «психофания»

В последние годы мы стали свидетелями формирования совершенно революционных методов общения с аутистами, с людьми с синдромом Дауна, да и вообще со всеми теми, для кого характерны двигательные или психические расстройства, – одним словом, со множеством больных, для которых обычная разговорная речь не совсем доступна. Поэтому очень часто они замкнуты в своем мире и не имеют возможности рассказать о том, что с ними происходит, а «нормальные» люди даже не подозревают, что они живут самой настоящей жизнью – жизнью ума, чувства и духа. Результаты этой методики столь удивительны и непостижимы (особенно если учесть нынешний уровень наших знаний), что их вполне можно считать «чудесными» почти в буквальном смысле слова.

«Облегченная коммуникация»

Вероятно, все началось в 1987 году в Австралии – благодаря работе Розмари Кроссли. Сначала речь шла о том, чтобы облегчить общение с различными больными, причем в совершенно простом, материальном смысле – просто сделать их жизнь комфортнее. Принцип «облегченной коммуникации прост, – говорит Анна-Мargarита Вексье. – Держа за руку больного, который не может говорить, ассистент помогает ему определиться с выбором. Он предлагает ему изображения или написанные слова, на которые тот указывает пальцем» (12). Таким образом, складывается целая игра: на небольших картонных листах изображены рисунки, подписанные (или не подписанные – в зависимости от варианта игры) соответствующими словами. Указывая с помощью ассистента на тот или иной рисунок, больной дает понять, что ему холодно или жарко, что он голоден, хочет пить, устал и т. д.

Однако довольно скоро пошли еще дальше. Больному давали клавиатуру, на которой он набирал слова и фразы на более или менее правильном, в какой-то мере понятном языке. Ясно, что такой подход годился лишь для больных, которые могли читать. Считалось, что так можно облегчить движение, ставшее трудным в силу болезни. Поддержка сводилась лишь к тому, чтобы облегчить это движение, т. е. поддержать запястье или локоть.

«Психофания»

Однако, вернувшись во Францию, Анна-Мargarита скоро заметила, что все те, кто обычно не может читать (например, младенцы, глухие, слепые от рождения, парализованные), с ее помощью так же хорошо и быстро набивают текст, как те, кто читать умеет. Тогда стало ясно, что процесс коммуникации гораздо сложнее и таит такие возможности, о которых сначала и не подозревали. Становилось все очевиднее, что речь идет о коммуникации, идущей прямо из области бессознательного: налицо некое глубинное проявление души, которое и дало название всей совокупности таких явлений – «психофания».

Исследования продолжались, и все лучше осознавалась вся важность этого открытия, которое, по-видимому, потрясает все представления о работе мозга, имевшиеся до сих пор. Психиатры, нейрофизиологи, терапевты разных направлений – все бросились изучать это явление, все больше понимая его скрытые возможности. Психоаналитик Дидье Дюма, ученик Франсуазы Дольто, прямо заявил: «В работах французской школы облегченной коммуникации, в самой психофании надо приветствовать открытие, которое в познании человеческого духа по своей важности не уступает другому, сделанному в прошлом веке, а именно психоанализу». Вслед за ним Жан-Мишель Оливеро, профессор психофизиологии в Университете Париж Декарт (Париж V) считает, что «наверное, этот новый подход является самым важным

открытием о самом себе, которое человечество сделало в конце XX века». Реми Шовен, другой профессор психофизиологии, в личном письме на имя Анны-Маргариты не скрывает своего энтузиазма: «У Вашей школы будут сторонники. От всего сердца поздравляю Вас. Не каждый день видишь, как открываются золотые ворота науки» (13). Все эти открытия делались постепенно, и сейчас мы посмотрим, что же мы имеем на сегодняшний день, но реальной хронологии придерживаться не будем.

Прежде чем углубиться в тему, уточним, как именно протекают сеансы «облегченной коммуникации» или «психофании». Самое главное в том (и этот момент сразу вызывает большое сомнение), что больной обычно даже не смотрит на клавиатуру. Случается, что в силу своего недуга он находится в самой невероятной ситуации. Еще чаще бывает так, что он смотрит или перелистывает какой-нибудь альбом с картинками. Но если и ассистент не смотрит на клавиатуру (например, закрывает глаза), то и пациент сразу же теряет возможность печатать. Напрашивается мысль, что на самом деле слова выбирает ассистент, даже если он не склонен к обману и искренне верит, что выступает посредником. Это как будто подтверждается и тем, о чем рассказывает Анна-Маргарита. Если, показывая пациенту изображение какого-нибудь предмета, ассистент смотрит на него вместе с ним, тогда пациент без труда набирает на клавиатуре имя этого предмета. Но если ассистент не смотрит на изображение, тогда пациент не может напечатать нужное слово и приходит в растерянность: «Большая пустота», «слово не приходит», «я вижу целый гараж слов в моей голове и не могу вывести их из нее» или даже: «Я хотел бы поменяться с тобой памятью» (14).

Но очень часто напечатанный текст сообщает нечто такое, чего ассистент не может понять. Речь может идти об очень простых, но тем не менее правдивых историях. Так, например, один аутист однажды напечатал: «Я хочу сказать маме, что я храню очень красивого кота». И действительно, за два дня до этого его мать нашла в саду кота, но Анна-Маргарита не могла об этом знать. Девочка набирает на клавиатуре: «Ссадина на ноге». Анна-Маргарита снимает с нее обувь и носок и действительно обнаруживает на ноге небольшую ссадину. Порой встречаются неожиданные ответы. «Что для тебя самое красивое?» Ответ гласит: «Самое красивое – Лионский вокзал, потому что я могу поехать на море». И таких маленьких примеров бесчисленное множество (15).

Но есть и много других, куда более важных открытий. Мальчик пяти с половиной лет, очень заторможенный, не идущий на контакт и повторяющий только последний слог задаваемого вопроса, так выражает свою тревогу: «Вам надо плавать в животе моей мамы, чтобы увидеть, нет ли там еще чего-то живого». Услышав такое, мать признается, что до рождения этого ребенка она сделала один аборт. Мальчик настаивает: «Я присоединюсь к трупу, килограммы смерти вместе с мертвой жизнью. Поместите меня к сыновьям жизни, а не смерти». В течение следующих сеансов он часто будет настаивать на том (причем на своем странном языке, очень характерном для такого общения), будто его мать не поняла, что этот отвергнутый ребенок был поистине живым существом: «Я описал его как живого. Мама думает, что он мертв. Я нашел решение: вы должны прикрепить его ко мне». Наконец, однажды во время вечерней молитвы, когда мать попросила у него прощения, он обрадовался: «Защита приходит от малыша мертвого брата... Страница болезни перевернута... Обеспеченный живым братом, я убегаю от беды. Басня окончена» (16).

Что происходит на самом деле?

Кажется, инвалиды сами прекрасно поняли механизм такого общения. Вот, например, что печатает подросток, общающийся с Анной-Маргаритой или своей матерью: «Догадайся о том, что я скрываю от мамы: я съедаю ее слова в ее голове, чтобы вытащить из ее головы свое слово... Чтобы думать, надо выставить свой ум против легкого ума тех, кто не аутист».

Другие дети выражают ту же мысль – вот краткие примеры: «Я расхищаю твою память», «я беру добычу слов в твоей голове», «сбалансируй мне слова, чтобы я мог говорить», «чтобы читать слова, я ищу фразы в твоей голове, как можно лучше краду слова и делаю фразы», «я тащу слова из твоей головы и выстраиваю их в своей», «я играю с твоей памятью, чтобы хорошо говорить; я беру слова, чтобы как можно лучше вырезать слова в моей памяти» (17).

По-видимому, эта гипотеза подтверждается любопытным экспериментом, который 18 июня 2000 года осуществил профессор Гюнтер Хаффельдер, директор Штутгартского института коммуникации и исследований головного мозга. Он прикрепил электроды к вискам Анны-Маргариты (которая была ассистентом) и добровольцу, который выступал в роли ассистируемого. Этот прием позволяет наблюдать за деятельностью лимбической системы, ответственной за эмоции. Сеанс психофании был снят на видео, и к своему большому удивлению профессор убедился, что – как рассказывает сама Анна-Маргарита – «подсознательное, проснувшееся в правом полушарии ассистируемого, стало посылать мне свои эмоции. Сильная турбулентность, появившаяся на хроноспектрограмме, показала, что я восприняла их, совсем того не осознавая, в то время как спектрограмма ассистируемого оставалась совершенно спокойной. Точнее говоря, активность его правого полушария была более значительной, чем левого, которое оставалось более или менее спокойным. Зато активность моего левого полушария усилилась, и, наверное, его деятельность на когнитивном уровне как-то компенсировала те лакуны, которые имелись у аутиста. Не успела я сказать и полслова, как профессор Хаффельдер заявил, что мозг пациента как будто “подключился” к мозгу ассистента. На эту мысль аутисты навели меня уже давно».

Эту весьма своеобразную особенность подтверждает и следующее удивительное наблюдение: речь идет о постепенном формировании словарного запаса – общего для различных пациентов, с которыми работает один и тот же ассистент. Сразу хочется сказать, что на самом деле все исходит от самого ассистента, но, посмотрев, как формируется и развивается этот кладезь слов, мы, наверное, тотчас отбросим такую мысль. На самом деле каждый раз речь идет о словах, употребление которых немного странно, но тем не менее возможно, если, конечно, смысл не утрачивается, но сохраняется на каком-то пределе и нередко в несколько параллельном измерении. Например, ребенок, который с каждым днем все быстрее набирает текст на клавиатуре, однажды пишет: «Я могу миллиметрировать себя, я хочу говорить как можно быстрее». Анна-Маргарита говорит ему, что в данном случае лучше подходит слово «хронометрировать». Но через несколько дней одна маленькая девочка снова использует глагол «миллиметрировать» вместо более уместного «отмеривать». Потом еще одна пишет: «Мама миллиметрирует дни, она больна» (ясно, что в нормальной речи здесь надо было бы сказать, что «мама считает дни»). Анна-Маргарита приводит другие случаи употребления глагола «миллиметрировать», а также упоминает о многих других, несколько неправильных и неуклюжих словах. Понятно, что их выбор (в какой-то мере ограниченный) не может определяться ассистентом. По-видимому, когда такое слово появляется в его памяти, оно там становится как бы «на виду», и поэтому другие пациенты с готовностью останавливаются на нем свой выбор. У этих слов разная судьба: одни на какое-то время ставшие «модными», вскоре забываются, а другие существуют относительно долго (19).

Удаленная «психофания»

Когда Анна-Маргарита поняла, что она сама может печатать на клавиатуре все то, что выходит из подсознания ее пациентов, в «психофании» наметился новый этап развития. Уловив момент, когда его сын Жереми с увлечением смотрел по телевизору футбольный матч, она подошла к нему со своим компьютером и взяла за руку. «Он не обращал внимание на то, что печатал», – рассказывала она позднее. Чтобы не мешать ему, она убрала звуковой сигнал,

которым сопровождается нажатие клавиш. Когда ему надоело двигать рукой, чтобы нажимать клавиши, «я, как говорится, пустила клавиатуру вплавь, подставляя ту или иную клавишу под его неподвижный палец. И тут я подумала: “Откуда я знаю, на какую букву он хочет нажать?”. Усмехнувшись, он заявил, что ему надоело давить на клавиши и что лучше мне делать это совсем одной. Тогда я отпустила его руку и отошла в сторону, не переставая собственным пальцем набивать на клавиатуру то, что он думал».

«Ну, уж это слишком!» – наверняка подумает читатель. Ведь это уже телепатия. Я тоже так считаю, да и сама Анна-Маргарита не стала бы этого отрицать. Но все дело в том, что это телепатическое общение совершается не на уровне сознания: оно как бы водит по клавиатуре пальцем ассистента, который не знает заранее, на какую клавишу нажмет. Вот почему и здесь появляется тот же странный язык, с которым мы столкнулись при обычной «облегченной коммуникации», и сейчас вы в этом убедитесь.

Спустя какое-то время к Анне-Маргарите привели (а точнее говоря принесли) малыша, которому было всего семнадцать месяцев. Ребенок страдал генетическим заболеванием, которое почти не поддавалось лечению. Все тело было покрыто зловонными кровавыми пузырями. Руки и ноги перебинтованы. Он даже не мог коснуться ногами пола – было очень больно. Видя все происходящее, Анна-Маргарита объяснила родителям, что именно она собирается делать, и они, доведенные до полного отчаяния, согласились на все. Она начинает странный разговор с ребенком: говорит ему вполне нормально, а он отвечает телепатически – через клавиатуру, которой даже не касается. Вот этот диалог:

«Я мечтаю быть свободными пальцами, слезы вызванные... меня оборудовали перчатками. Никто не знает, храбры ли отец и мать пузырем [слово «пузырь» употребил другой ребенок: так он назвал живот беременной женщины. Отсюда – его второе употребление согласно психологическому механизму «дежа вю»]. Мы кроль неудавшейся жизни [здесь – опять согласно упомянутому психологическому механизму – «кролем» здесь обозначается плавание в амниотической жидкости].

– Кого ты подразумеваешь под словом “мы”?

– Веревка жизни [имеется в виду пуповина] заставляет течь слезы, потому что брат жизни уничтожен волей умереть.

– У тебя был брат-близнец?».

Мать подтвердила, что, вероятно, был мертвый близнец. Кроме того, она сказала, что во время беременности у нее были серьезные проблемы с мужем, и как-то в минуту гнева она прокричала, что желает болезни своему ребенку. Потом у нее было тяжелое чувство вины, а что касается отца, то у того тоже выявились вполне определенные депрессивные тенденции» (20).

Все это, наверное, позволяет лучше понять, каким образом стал возможным следующий эксперимент: однажды опытных ассистентов (их было около двадцати) попросили прочитать мысли одного из них, и хотя все набранные ими тексты отличались друг от друга в словах, многое тем не менее совпадало (21). По-видимому, все протекало согласно принятой гипотезе: эмоции, исходящие от пациента, на невербальном уровне улавливаются ассистентами и потом выражаются в тех словах, которые свойственны тому или иному ассистенту.

А потом случилось еще одно необычное событие. Когда аутист Пьер познакомился с Анной-Маргаритой, ему было уже тридцать пять лет. Он любил присутствовать на некоторых сеансах «облегченной коммуникации»: брал руки молодых пациентов и внимательно их рассматривал, словно приглашая (так он сам говорил) к телепатическому диалогу. Постепенно привыкнув к этому, Маргарита сразу обратила внимание на то, что он их успокаивает. Он очень хотел помочь своим братьям-аутистам в тех испытаниях, с которыми они сталкивались. Постепенно у них сложилась удивительная телепатическая взаимосвязь, а потом – когда он жил в Британии – он даже позвонил Маргарите, чтобы сказать, что чувствует присутствие того или другого аутиста прямо у нее в кабинете, в Сюрене, – как раз в тот момент, когда она зани-

мается с ними. Он стал на расстоянии принимать участие в этом процессе, и (в соответствии с тем психологическим механизмом, который срабатывал, когда у всех аутистов, общавшихся с ассистентом в одно и то же время, формировался общий словарный запас) постепенно все маленькие пациенты, с которыми занималась Маргарита, стали знать его имя и говорить ему о помощи, которую от него получают (причем даже те, которым она никогда о нем не говорила). Один из них напечатал: «Превращая смерть аутиста в жизнь, он формирует жизнь». Или еще: «У него спасательный жилет»; «договорись с ним, чтобы помочь мне расти»; «дорога очень красива, если я живу с ним». Он писал им письма, и дети отвечали ему через Анну-Маргариту. Когда в 1997 году Пьер погиб под колесами какого-то лихача, Маргарита не сообщила об этом своим маленьким аутистам, но они несколько месяцев говорили только о нем (22). «Кажется, что на каком-то уровне, – приходит к выводу Анна-Маргарита, – все мы “проросли” друг в друга» (23).

Психофания не знает языкового барьера

Из сказанного видно, что психофания не знает языкового барьера. Я понимаю: ко всему, о чем я собираюсь рассказать, читатель отнесется с некоторым недоверием, и тем не менее начнем. Когда Анна-Маргарита узнала, что в Израиле благодаря определенным методикам слепые умеют печатать на клавиатуре, а однажды пациент даже напечатал текст на языке своего ассистента, а именно на венгерском, которого он совершенно не знал, она стала паковать чемоданы, готовясь к отъезду в эту страну.

В первый же день, оказавшись в школе для аутистов, она обратила внимание на «подростка, который, врываясь на кухню, жадно проглатывал целую кучу приготовленных для него бутербродов. Расправившись с ними, он начинал искать чужие сумки, стремясь съесть буквально все, что было в пределах досягаемости». Расспросив о нем, Анна-Маргарита узнала, что зовут его Нати, что он уже привык к сеансам «облегченной коммуникации», но французского языка не знает. Подойдя к нему со своим ноутбуком, она ласково взяла его за руку. Он не противился и напечатал на клавиатуре: «Мама позади болезней и кутежей». Трудно предположить, что он мог печатать на французском языке, которого не знал, но нельзя допустить и того, что Анна-Маргарита сама почему-то решила употребить это несколько устаревшее и слишком литературное слово – «кутежи». Дальше следовало: «Мама не пьет ни черного кофе, ни кофе с молоком... Нати ничего не ест дома... Я хотел бы остаться с мамой, чтобы убаюкать ее в моем сердце».

«У тебя есть брат?» – спрашивает ассистент на французском языке.

«Нет».

«Сколько у тебя сестер?»

«Две».

Ответы легко даются на французском, и дает их только Нати. Если предположить, что на самом деле их телепатическим образом принимает сама Анна-Маргарита, то тогда надо признать, что она воспринимает только смысл ответа, но не его словесное выражение на иврите, которого не знает. Кроме того, приведенные фразы показывают, что вряд ли Маргарита использовала бы некоторые их слова и строила их именно так, как они построены.

Но это не всё. Нати, со своей стороны, понимал смысл вопросов, которые ему задавал ассистент, но ведь французского языка он не знал. Учтем и то, что ответ здесь дается бессознательно, и потому можно предположить, что именно его подсознание, а не он, воспринимает вопросы – независимо от того, на каком языке они сформулированы.

По-видимому, все сказанное вполне подтверждается другим экспериментом, который Анна-Маргарита провела с молодыми здоровыми израильтянами, не знающими французского языка. Дадим ей слово:

«Все они печатали совершенно бессознательно и были очень удивлены, когда им перевели, что же они написали. Несколько раз в ходе диалога они отмечали не иврите, что не понимают того, что я им говорю и тем не менее они отвечали на мои вопросы. Было интересно смотреть, как оживленно они переговаривались с соседями, пока рука что-то бессознательно печатала на французском в связи с пережитыми событиями» (25).

Получается, что смысл задаваемых вопросов молодые израильтяне воспринимали непосредственно на подсознательном уровне и на том языке, который их сознанию был неведом, а потом так же бессознательно набирали на клавиатуре ответы, переводимые на тот язык, которого они не знали. Если верить всему, что рассказывает Анна-Маргарита, тогда придется поставить под вопрос привычное представление о нашем ментальном мире. Я живо помню свою встречу с этим первопроходцем психофании. В апреле 2001 года я сам присутствовал на сеансе удаленной коммуникации между Маргаритой и человеком, которого я хорошо знал и которому в ту пору выпали ужасные испытания. Он говорил по-французски, но находился за несколько километров от кабинета Маргариты и не мог знать, что кто-то еще пытается проникнуть в его подсознание. Тем не менее все, что я узнал, на мой взгляд, нисколько не противоречило тому, что я уже знал об этом человеке.

Таким образом, в нас есть нечто такое (бессознательное, подсознание, дух и т. д.), что выходит за пределы нашего тела и может появляться где угодно, прием даже без нашего ведома. Мне это напоминает об одном эксперименте Роберта Монро, не раз отправлявшегося за пределы собственного тела. Эти явления еще мало изучены наукой, но у нас есть много свидетелей, которые вполне заслуживают доверия. Я знаю, что сторонники «облегченной коммуникации» и психофании не любят, когда их работу и результаты сравнивают с паранормальными явлениями: они боятся, что это подорвет уважение к тому, чего они достигли. Однако я считаю, что нередко именно сопоставление тех явлений, которые на первый взгляд никак не связаны между собой, позволяет их взаимно обосновать и выработать гипотезы, которые их объясняют. Итак, надо признать, что есть люди, которые могут покидать свое физическое тело, мгновенно оказываясь там, где им хочется, и не важно, как называется то, что из этого тела исходит: «двойник», «дух» или «сознание». Это отчасти напоминает знаменитые «эксперименты на пороге смерти» – с той разницей, что в первом случае все заканчивается пребыванием в нашем мире, т. е. дело не доходит до появления «туннеля» и перехода в другое измерение.

Я подробно говорил об этом в другой своей работе (26), и потому сейчас коснусь только того, что нам интересно в данном случае. Итак, Роберт Монро договорился с одной своей знакомой о том, что, когда она будет проводить отпуск на берегу моря, он, выйдя за пределы своего тела, постарается войти с ней в контакт. Когда он действительно покинул тело, ему было достаточно просто подумать о ней, и он тут же очутился в каком-то помещении, которое напоминало кухню. Он увидел, что она разговаривала с двумя девочками. «Все трое о чем-то спорили, но я не слышал их разговора», – отмечает Монро. Он попытался как-нибудь привлечь их внимание, но все было напрасно: казалось, что никто никак не реагировал на его присутствие. Тогда, обратившись к своей знакомой, он спросил ее, сознает ли она, что в данный момент он находится рядом. «Да, я знаю, что ты здесь», – ответила она (ответила на ментальном уровне или сверхсознательно, не переставая говорить с девочками). Я спросил, вспомнит ли она о том, что я был у нее. «Ну, конечно же», – ответила она. Но чтобы она действительно запомнила, он сказал, что собирается ущипнуть ее. «Ой, не надо этого делать, я и так запомню», – ответила она. Из дальнейшего рассказа становится ясно, что в своем сознании она не запомнила его визита, но когда он спросил, не почувствовала ли она, что кто-то ее щиплет, она изумленно воскликнула: «Так это был ты!» и показала «коричневые и синие следы на коже», свидетельствующие о том, что эксперимент удался (27).

Итак, перед нами еще один случай параллельного существования двух видов коммуникации: на уровне обычного сознания и на другом уровне, совершенно не зависящем от сознания.

Пусть здесь ситуация несколько иная, но если смотреть на все произошедшее лишь глазами его знакомой, то, наверное, вполне можно сказать, что здесь мы имеем дело с тем же самым психологическим механизмом. Вероятно, в нас есть нечто такое, что, не переставая быть нами самими, обладает определенной автономией, и, признав это, мы с большей готовностью принимаем результаты других, еще более удивительных экспериментов.

Сознание с первых минут жизни

А теперь поговорим о новых коммуникативных возможностях, которые открываются благодаря участию посредника. Один психотерапевт направил к Анне-Маргарите Вексье женщину, которая никак не могла освободиться от драматических переживаний, связанных с матерью. На первом сеансе она подробно рассказала о своих страданиях, а потом пришла еще раз – уже через семь месяцев, когда была беременной и ждала девочку. Это заставило ее вспомнить о той тревоге, которую она чувствовала еще до своего рождения, находясь в животе матери. Она не хотела, чтобы то же самое повторилось с ее малюткой, и теперь, не задумываясь, набрала на клавиатуре (причем все тем же странным языком, столь характерным для такой коммуникации) следующую невероятную просьбу: «Я даю ее вам, чтобы вы позвонили ей и передали дымок любви с женщиной жизни».

«У меня уже имелся опыт облегченной коммуникации с младенцами, которым было лишь несколько недель, – рассказывает Анна-Маргарита, – но я не очень понимала, как держать руку ребенка, который находится в матке! В это время я начала изучать возможность удаленного набора на клавиатуре. Могла ли я подумать, что зародыш способен отправить ментальное сообщение с помощью своей матери? Мать не меньше меня была удивлена таким предположением, но идея связаться с малюткой была такой соблазнительной, что мы решили попробовать.

«Что ты мне скажешь, малышка?».

«Гримируйся, мама, в жизнь жизни».

«Это действительно ты говоришь?»

«Да, считая, что я, быстро я играю с ласками жизни. Убедись, рифмуется ли мама дар жизнь со смертью или жизнью. Вы направляете выбор в сторону жизни. Я дымок любви для мамы. Ведите маму к уверенности быть женщиной жизни. Я вулканизирую [усиливаю] любовь к матери жизни...».

В результате такой коммуникации мать почувствовала необычайное облегчение. «Я была просто изумлена всем, что только что произошло, – признается Анна-Маргарита. – Как я смогла попеременно подключиться к ребенку и его матери? Всего-то и надо было, чтобы я направила свой ум к тому, с кем хотела вступить в контакт, – одним словом, чтобы я просто обратилась к нему» (28).

Но бывает и так, что на клавиатуре появляется сообщение, которое не имеет прямого отношения к пациенту, ассистенту или еще кому-нибудь, кто в данный момент находится рядом. Так, например, во время общения с опытными ассистентами Анна-Маргарита увидела, что она мало-помалу набирает такой волнующий текст:

«Умереть разве это прошло? Тяжело приступить к проблеме желать смерти. Я хочу убежать от смерти, и ты помогаешь мне жить. Единный со случаем созреть жизнью, я борюсь со смертью.

– Но кто ты, – спросила я внутри самой себя.

– Я маленький шалун [зародыш] смерти. Прикажи матери бежать от смерти. Папа назначает мешок жизни [матку] для смерти. Моя мать теряет своего ребенка. Я остаюсь присоединенным к смерти, если отец убивает меня. Согласие между мной и семьей – возможно ли?». Потом стало ясно, что речь, наверное, идет о зародыше, которому всего два-три дня (29).

Сразу же оговоримся, что мы не хотим никого винить, но нельзя и молчать о том, что такая коммуникация с эмбрионами действительно существует. Это заставляет вспомнить об очевидном факте, который порой намеренно игнорируют: аборт не имеет ничего общего с контрацепцией, и, отождествляя их, мы совершаем большую ошибку. Вот что говорит об этом Анна-Маргарита: «Все разговоры моих пациентов всегда о жизни и смерти. Они убедили меня в том, что уже самые первые клетки эмбриона наделены сознанием. Это кардинально меняет все наши представления о беременности» (30). Я не считаю нужным чрезмерно заострять внимание на всем том, что скрывается за такой коммуникацией (будь то общение на расстоянии, на языке, который неизвестен пациенту, или коммуникация с эмбрионом), но можно сказать, что, когда жизнь только зарождается, мы уже имеем дело с духом или сознанием, которое заявляет о себе еще до всякого усвоения языка – не важно какого! Понятно, что такое открытие встретит самое яростное сопротивление, но нельзя отвергать реальность только потому, что она нас озадачивает.

Надо признать, что мы имеем дело с явлениями, которые сразу же кажутся невероятными, да, признаться, я и сам отнесся бы к ним довольно сдержанно, если бы не видел многих людей (гораздо более сведущих, чем я), которые, потратив немало времени на изучение и практическую проверку этого метода, признали его вполне обоснованным и законным. К 2003 году в распоряжении Анны-Маргариты уже находилось более тысячи ассистентов и среди них более двухсот профессиональных терапевтов (31). Однако эти открытия не получили того резонанса, которого заслуживали. «Я общалась с дюжиной неврологов, – пишет в этой связи Анна-Маргарита – и каждый раз было одно и то же: они присутствуют на сеансе, говорят, что очень удивлены... а потом исчезают... Я больше не хочу тратить столько сил: ведь после многочасовых объяснений, после рассмотрения обильного доказательного материала дело кончается отказом. Я нужна своим пациентам, а в остальном – как получится» (32). Тем не менее общение с неврологами могло бы дать интересные результаты, если бы протекало в доверительной обстановке. Теперь, по крайней мере, мы знаем, что у взрослого аутиста участки головного мозга, отвечающие за узнавание (например, по голосу или выражению лица), не задействованы. Но надо идти дальше и постараться узнать, не связана ли эта дисфункция (по крайней мере, в некоторых случаях) с той реакцией защиты, которая возникает у ребенка (причем возникает очень рано, быть может, даже во время беременности матери – в результате тех восприятий, которые кажутся ему агрессивными).

В этой связи можно сказать, что в контексте всех наших знаний о том, что мы собой представляем, здесь, конечно же, речь идет о чем-то удивительном, в котором, однако, нет ничего демонического и особенно чудесного (если, конечно, не иметь в виду, что вся наша жизнь, все существование есть нечто чудесное).

И все-таки есть одно чудо – чудо неустанной и бескорыстной любви, всегда утешающей всех страждущих телом и душой. И тут маленькие израильтяне правы: «Я хочу жить в жизни твоего Бога любви», – печатают они на клавиатуре Анны-Маргариты (33).

Общение с умершими

Аутисты, с которыми работала Маргарита Вексье, часто говорили о присутствии мертвых в их жизни и прежде всего о маленьких братьях и сестрах, умерших в результате выкидыша или аборта: они говорили, что те присматривают за ними и помогают им. Сейчас мы увидим, что общение с нашими умершими осуществляется и с помощью других средств, причем для этого вовсе не обязательно быть аутистом. Сразу уточню, что в отличие от многих собратьев-священников я совсем не считаю, что связь между нашим миром и миром «мертвецов», которую я так долго изучал (34), непременно свидетельствует или о необычном вмешательстве Бога (т. е. о той неслыханной привилегии, которая даруется некоторым святым), или о вмешательстве

сатаны, который тем самым стремится еще сильнее сбить с толку бедных людей, каковыми мы являемся. Речь не идет непременно или о чуде, или о демоническом вторжении. В этой связи точка зрения Габриэле Аморта (экзорциста из Римского диоцеза) мне кажется слишком однозначной. Отец Эрнетти, весьма уважаемый ученый и экзорцист, которого я хорошо знал, не разделял ее. Ему были знакомы все опасности спиритизма, и он смело о них говорил (36), но в то же время учил проводить необходимые различия в данном вопросе. Он был очень рад, что мои книги на эту тему были переведены на итальянский язык, и просил прислать ему несколько экземпляров, чтобы некоторые собраты в Риме тоже могли их прочитать.

Естественное явление

Общение с умершими (осуществляемое как традиционным способом, т. е. через медиума, так и с помощью электронной аппаратуры) говорит нам о тех законах, которые еще мало изучены, но действуют в двух или нескольких измерениях. Между этими измерениями существует определенное взаимодействие, благодаря которому и возникает коммуникация, но не будем думать, что речь идет о совершенно чуждых друг другу мирах, даже если это взаимодействие встречается не часто. Эти измерения находятся внутри все того же сотворенного мира: они принадлежат к одному и тому же творению, и поэтому мы имеем дело с совершенно естественными законами, которые совершенно естественно входят в единый Божий замысел.

Однако ясно, что содержание такой коммуникации зависит от духовного уровня тех, кто в нее вступает, хотя, впрочем, это верно и для общения между живыми на земле. Сам смысл сказанного нами – вот что наделяет высокой духовностью или темным демонизмом все слова, которые мы пишем или произносим. Хотя скажем прямо: во многих случаях наши речи совершенно нейтральны и ничего не говорят ни о Боге, ни о сатане. Чудесны или демоничны не сами язык и письмо, а то, что мы из них делаем, и здесь порой (но не всегда) сказывается божественное или демоническое влияние на наш дух. Это похоже на телевидение: само по себе оно совершенно нейтрально – все зависит от того, что мы сами из него делаем.

Так же дело обстоит и со всяким общением, касающимся потустороннего мира. На Земле живут не одни только святые, да и многие умершие, оказавшись в загробном мире, еще не окончили своего очищения. Этим и объясняется тот факт, что в некоторых случаях (но только в некоторых) такая коммуникация становится опасной, а порой и явно демонической. Но часто в ней нет никакого риска, и родственники умершего получают большое утешение, хотя здесь и нельзя говорить о настоящем чуде. Жития святых говорят нам о том, что почти все они постоянно общались с другими святыми, жившими на Земле до них и теперь живущими в ином измерении. Такую многозначность мы видим почти во всех явлениях. Почти все они могут быть религиозно нейтральными (или, как еще говорят, «мирскими»), демоническими или же «чудесными» (как Божьи дела).

Медиумизм

Мы знаем, что издавна во всех культурах с помощью медиумов происходило общение с мертвыми. В соответствии с культурной традицией той или иной страны медиумов называли по-разному: шаманы, колдуны, тибетские провидцы, «связные» в Америке, «сенситивы» в Италии и т. д., хотя сами наименования не так уж важны. На этом общем фоне мы имеем дело с бесчисленными вариантами, обусловленными не только народом и страной, но и более или менее развитыми способностями, присущими конкретному медиуму. Одни больше воспринимают на слух, у других, напротив, перед внутренним взором быстро пролетают какие-то видения: порой лишь символические образы, требующие истолкования, а иногда – вполне реалистические картины прошлого или будущего. Одни говорят, что видят лишь то, что «провод-

ник» показывает им в потустороннем мире, другие раскрываются умершим до такой степени, что иногда начинают говорить их голосами и даже порой обретают их черты. Некоторые могут по желанию оставлять свое тело и видеть далекие события. Порой они даже материализуются, т. е. позволяют видеть себя воочию (как это делали христианские святые во время биллокации). Есть и такие, которые, уходя в другие измерения, на какое-то время присоединяются к умершим в их собственном царстве. Наш привычный разум слишком далек от всего этого, но этнологи и некоторые миссионеры знают об этом гораздо лучше нас, потому что долгое время живут среди представителей тех культур, в которых (в отличие от Запада) такая практика не преследовалась.

«Автоматическое» или «богодухновенное» письмо

С появлением письменности развились новые способы общения с умершими. Я почти не представляю, каким образом возможно автоматическое письмо посредством иероглифов, высеченных на камне, или клинописи на сырых кирпичках, но с появлением нашей письменности, т. е. письма чернилами на пергаменте, а потом на бумаге, появилась новая возможность общения с нашими почившими. Наверное, это складывалось постепенно и продолжается по сей день, часто без нашего ведома: обычно мы называем это «богодухновенностью» или «инспирацией». Известно, что Платон, этот неутомимый искатель, несколько лет провел под сенью египетских пирамид, и, вероятно, сам в какой-то мере практиковал выход из тела, а может быть, слышал об этом от тех, кто на какой-то миг покидал свое земное тело и уходил в иные измерения. Я готов признать, что именно это кратковременное посещение низших сфер царства мертвых и лежит в основе его теории «идей». Не забудем, что в древнегреческом языке само слово «идея» – однокоренное словам «смотреть», «видеть». «Идеи» Платона – это не понятия, а образы. Согласно его теории у каждого предмета, находящегося в нашем мире, есть его прообраз, гораздо более красивый, но находящийся в другом измерении, которое называется «миром идей».

Другие философы тоже признавали этот запредельный мир. Декарт, весьма далекий от того «картезианства», о котором нам прожужжали уши, говорил, что никогда бы не ступил на философское поприще, если бы не увидел необычный свет, призвавший его к нему и обещавший поддержку. Что касается поэтов, то они еще больше, чем философы, говорили о том, как на них влияет их «муза», а порой даже утверждали, что та или иная поэма вообще принадлежит не им и что они просто записали слова, звучавшие в голове.

Все люди художественного склада имеют подлинное родство с медиумами. Так, например, в 1871 году в разгар франко-прусской войны Камиль Сен-Санс, служивший в национальной гвардии, внезапно прямо в пылу битвы, разыгравшейся под Парижем, услышал музыку, которую тотчас записал и позднее использовал для своего реквиема.

Но и не будучи гениями, многие люди по всему миру практикуют так называемое «автоматическое письмо», которое нередко перерастает в «инспирацию». При «автоматическом письме» карандаш надо держать лишь слегка, причем иногда в левой руке, если вы обычно пользуетесь правой. Он как-то приходит в движение, и сначала появляются какие-то каракули, которые постепенно становятся посланием. Часто все происходит очень быстро, и почерк не похож на почерк человека, кто в данный момент пишет (а точнее говоря, просто записывает), а также на почерк умершего. Но бывает и так, что сразу узнаешь почерк покойного и его манеру писать. В тот момент, когда послание появляется, записывающий не может его разгадать: все становится возможным только потом. Нередко при такой коммуникации нужные слова появляются в уме записывающего, и тогда он начинает писать своим собственным почерком, но понимает лишь некоторые группы слов, будучи не в силах уловить их связь. Это называется «инспирацией».

Проблема в том, что все записанное по своему достоинству очень неоднозначно. Часто мы имеем дело с простыми сообщениями личного характера (например, стремление успокоить семью): они не вызывают широкого интереса, но очень ценны для родственников. Множество сообщений притязают на философскую значимость, но на самом деле оказываются совершенно расхожими. И, наконец, есть подлинно чудесные (37).

«Инструментальная транскомуникация»

Но признать подлинность знаков, которые наши почившие передают нам столь различными способами, прежде всего помогут исследования, проведенные с помощью электронной аппаратуры. В разных странах на разных языках на эту тему постоянно пишут статьи в журналах, появляются книги, проводятся конгрессы, на которых исследователи получают возможность сравнить друг с другом свои методы и полученные результаты. Пока не ясно, каким образом можно общаться с теми, кого мы считаем умершими, но с каждым днем становится все труднее не признавать этой возможности и давать какое-то другое объяснение всему происходящему. Я считаю, что в свете проведенных научных исследований сомнений больше быть не может.

Известно, что голос каждого человека абсолютно уникален: например, для полиции идентификация по голосу даже более надежна, чем отпечатки пальцев. В автомобильной промышленности эту особенность начинают использовать для того, чтобы застраховаться от угона: дверца автомобиля открывается только на голос владельца машины. Правда, есть одна техническая проблема: она должна открыться даже в том случае, если владелец говорит простуженным голосом. Что касается нашей проблемы, то здесь проводился анализ тембра голоса живого человека и голоса, который был записан на магнитофон после его смерти. В некоторых случаях совпадение доходило до 95-98 %. Дальше всего в этих исследованиях пошли итальянские ученые, особенно группа под руководством Даниэля Гулла. Отметим, что когда голос начинал звучать, рядом с записывающей аппаратурой наблюдалось возмущение гравитационных волн. Такие сравнение (т. е. голоса человека до его смерти с голосом после кончины) проводились в разных странах (например, в Германии, Бразилии и самой Франции).

Анализ голоса, проведенный в различных акустических лабораториях, показал, что в некоторых слогах (а порой и целых словах) отсутствуют «фундаментальные» частоты, которые производятся только голосовыми связками, и потому на магнитофонной ленте записываются лишь волны, называемые «формантами», которые образуются во рту вне голосовых связок. Практически это доказывает, что речь идет о голосах, которые не издаются живыми людьми, имеющими гортань (38).

Другие исследования еще более впечатляющи. В итальянском городке Гроссето исследователь Марчелло Баччи осуществляет такую коммуникацию через репродуктор на радиостанции. Я знаком с этим уже много лет и сам разговаривал с кем-то, кого не знал, но кто, на мой взгляд, был хорошо осведомлен о моей деятельности – и как богослова, и как исследователя паранормальных явлений. 13 апреля 2002 года профессор Сальваторе Феста провел у Марчелло Баччи очень показательный эксперимент. Убедившись, что радиостанция работает нормально, Марчелло Баччи установил контакт с таинственным существом из потустороннего мира, и с этого момента Сальваторе Феста постоянно переходил от одного передатчика к другому, но везде принимался только этот голос. Разговор продолжался только с этой таинственной сущностью, а в это время Сальваторе Феста отключал одну за другой лампы приемника, что, однако, никак не влияло на качество приема. Наконец, связь закончилась, лампы были вкручены на место и приемник снова заработал. Вывод гласил: даже если чисто внешне все выглядело как обычный прием электромагнитных волн, на самом деле имело место нечто совершенно иное, совершенно неведомое (39).

Надо сказать, что такой эксперимент проводился ранее, и стало ясно, что голоса, записанные на магнитофонную ленту, не соответствовали электромагнитным волнам, потому что они так же хорошо записывались и тогда, когда магнитофон находился в так называемой клетке Фарадея. В Мадриде я лично видел один из таких ящиков, в который помещался магнитофон. Он работал на батарейках, и потому клетка Фарадея была полностью закрыта: никакой шнур не связывал магнитофон с внешним миром.

Позиция церкви

Когда речь заходит об оценке этого феномена, не мешает вспомнить об одном важном событии, которое, правда, во Франции осталось незамеченным. 28 ноября 1996 года почти все итальянские газеты (“Il Messaggero”, “La Repubblica”, “La Stampa”) опубликовали заявление отца Джино Кончетти (сотрудника “Osservatore Romano” в области культуры), которое он сделал агентству ANSA (нечто вроде нашего агентства France Presse). На него тотчас откликнулся журнал “Vita e Mistero”, а 26 декабря 1996 года периодическое издание “Gente” в свою очередь опубликовало важные отрывки этого интервью. В нем в частности говорилось: «Согласно современному катехизису Бог позволяет нашим дорогим почившим, которых живут в загробном мире, посылать нам вести, дабы направлять нас в определенные моменты нашей жизни. В свете новых открытий в области паранормальных явлений Церковь решила не запрещать опыты общения с почившими при условии, что они проводятся с научными и религиозными целями.

Дело в том, что Церковь – это уникальный организм, глава которого – Иисус Христос. Этот организм состоит из живых, т. е. тех верных, которые еще живут на Земле, из уже почивших, т. е. святых, которые пребывают в раю, и тех душ, которым предстоит искупить свои грехи в чистилище. Эти три измерения не только едины в Иисусе, но и, согласно идее общения святых, связаны между собой, а это означает, что они могут общаться».

Далее отец Джино говорит о различных способах, которыми усопшие обычно общаются с нами: это сны (иногда вещие), внутренние импульсы, видения, внутренняя речь). Он даже считает, что в некоторых случаях можно обратиться к медиуму или к какой-либо «современной технике». Последний термин не совсем ясен, но, как мне кажется, в данном случае речь идет о сообщениях, получаемых через различную электронную аппаратуру, магнитофоны, громкоговорители, телефоны, телевизоры и компьютеры, т. е. через все то, что называется общим именем «инструментальной транскомуникации». Когда католическая газета “Avvenire” обратилась с этим же вопросом к американскому священнику и богослову Джону Ричарду Ньюхаузу, он тоже сказал, что для общения с потусторонним миром допустимы все средства: «Нельзя сказать, что контакты с исчезнувшими людьми невозможны... Важно с самого начала не отрицать такие явления, но и не спекулировать на них мошенническим образом».

Понятно, что определенная часть духовенства по-своему отреагировала на такие заявления, но отец Джино Кончетти, подчеркивая, что его слова, обращенные к читателям, «были истолкованы неверно», тем не менее не утверждал, что его «мысль была полностью искажена» (как некоторые хотели уверить). В личном письме, копию которого мне любезно предоставили, он даже говорит: «Богословский принцип гласит: там, где есть общение, есть и сообщение». И далее: «Но общение не протекает однообразно и одинаково: напротив, оно соотнобразится с теми условиями, в которых находится человек».

Но как же медленно идет дело! Еще есть те, кто продолжает сопротивляться, хотя этот феномен набирает силу почти по всему миру, число священников, которые его поддерживают, постоянно растет, и, наверное, придет пора, когда наши богословы станут уверять нас, что сами они всегда в это верили. Впрочем, уже сейчас чувствуется, как католическая Церковь понемногу меняет свое отношение к общению с мертвыми. Я сам принимал участие более чем в

двадцати пяти конгрессах, которые проходили в Италии и были посвящены проблеме жизни после смерти. Каждый раз вполне естественно вставал вопрос об этом необычайном открытии. Кто-то рассказывал, как общение с дорогими для них умершими людьми (причем почти всегда речь шла о детях) дает им силу жить и надежду на примирение с Богом, но каждый раз говорилось и об имевшихся эксцессах, искажениях и просто возможных опасностях. Во время этих конгрессов только один или два раза из священников присутствовал лишь я один: обычно нас было как минимум трое, а иногда и четверо. Почти всегда конгрессы заканчивались совершением мессы, которая проходила или прямо в конференц-зале, или в ближайшей церкви (по решению местного епископа). Надо, однако, отметить, что в буклетах, анонсирующих проведение конгрессов, всякий раз кроме условий участия и проживания в забронированном отеле приводятся два списка – список участников и список десятка «медиумов», готовых в вашем присутствии наладить прямой контакт с вашими усопшими. Конгрессы проводятся много лет во многих городах Италии, и Ватикан, который очень хорошо об этом знает, еще ни разу никого не осудил.

Помню, как во время одной телепередачи, в которой я принимал участие, священник, присланный из Ватикана, дважды настойчиво требовал от меня обязательно подчеркивать, что, изучая эти явления, публикуя полученные результаты и высказывая свои соображения на эту тему, я не имею на это никаких полномочий от Церкви. В то же время он признавал, что как частное лицо (пусть даже в сане священника) я вполне имею право интересоваться этим феноменом и писать и говорить о результатах своих исследований.

Впрочем, даже во Франции монсеньор Жан Вернет, уполномоченный французским епископатом следить за различными паранормальными явлениями (а также за сектами и различными направлениями, например, за «Новым веком»), в конце концов, занял вполне открытую позицию по этому вопросу, постоянно говоря о том, что в таких делах нужна осторожность (40).

Итак, перед нами необъяснимые факты, которые кажутся поистине «чудесными», однако ничто не позволяет автоматически рассматривать их как божественные или сатанинские действия. Опасность почти всегда подстерегает там, где, принимая такие сообщения, человек начинает думать, что он избран для какой-то необычайной миссии: например, ему надо распространить их по всей Земле, перевести на все языки и т. д. Это верно и для всякой другой «миссии», льстящей самолюбию и ведущей к различным манипуляциям, которые, в свою очередь, могут привести к безумию и одержимости. К сожалению, у нас будет повод поговорить об этом.

II. «Чудеса» дьявола

Силы зла

Прежде всего надо немного уточнить, что мы понимаем под «дьяволом», «сатаной», «силами зла» и т. д. Сразу оговоримся, что здесь надо различать два уровня. Мы можем констатировать (и порой даже с научной точностью) наличие озадачивающих явлений, которые современная наука не может объяснить (так было в уже рассмотренных нами случаях), но при этом есть и такие явления (и в этом их принципиальная особенность), которые имеют четко выраженный религиозный характер, но вместо того, чтобы вести к Богу, по-видимому, уводят от него.

За следствиями, которые мы наблюдаем, приходится угадывать причину, но ее нельзя уловить напрямую, а значит, нельзя получить строго научного знания о ней, даже если иногда она мимолетно дает о себе знать в какой-либо конкретной форме. Тем не менее на основании полученных результатов можно предполагать, что речь идет о тех силах, которые могут вмешиваться в наш материальный мир, порой даже противореча известным естественным законам. Мы также знаем, что эти силы разумны, что у них есть определенная цель, заключающаяся в том, чтобы увести нас от Бога и ближнего, а потому их можно назвать «дьявольскими». Но каковы они? Здесь у нас только один путь: обратиться к тем, кто встретился с ними и пострадал от них или же сумел их одолеть.

Кажется, здесь мы имеем дело с чем-то таким, что никогда не имело плоти и в христианской традиции называется «ангелами». Кроме того, сюда, наверное, можно добавить тех умерших, которые во время своей земной жизни служили сатане и делали это сознательно (заключив с ним самый настоящий договор, порой даже подписывавшийся собственной кровью (41)) или неосознанно, т. е. просто всю жизнь оставались рабами собственного удовольствия и своих самых низменных инстинктов. И, наконец, сами наши мысли (как хорошие, так и плохие), концентрируясь, становятся самой настоящей силой, стремящейся материализоваться в соответствии с их природой (42). «Сатана», «Люцифер» – все это может быть лишь общим обозначением того простого факта, что эти силы не бессознательны, но, напротив, задействованы каким-то разумом или волей. Они, наверное, соответствуют тому, что мы называем «ангелами зла» (по крайней мере, в западной традиции). Некоторые из этих таинственных существ носят настоящие имена, отражающие их природу. Обычно они стараются до самого последнего момента не раскрывать их, потому что знание их имени дает власть над ними.

Все это вполне соответствует свидетельству Писания, но, по-видимому, современной Церкви это свидетельство совершенно неведомо. «Я не припомню ни одной мессы или проповеди о сатане, – говорит отец Жорж Моран, – и мои долгие богословские исследования никак не восполняют этого “пробела”. Для меня, как, конечно же, и для большинства моих учителей, все это какой-то предрассудок, который надо отнести к пережиткам средневекового менталитета. К счастью, гуманитарные науки оставили это в прошлом!» (43). Уточним, что отец Моран изучал теологию в Парижском католическом институте и был рукоположен в сан священника в 1959 году.

А теперь поговорим о тех «силах», которые действуют среди нас.

Ложные стигматы

Нечто совершенно необычное представляют собой стигматы одного странного человека, который не известен во Франции, но уже обрел немалую известность во всем мире: я имею в виду Джорджо Бонджованни. Этот молодой человек родился 5 сентября 1963 года на Сицилии, а именно во Флоридии. В тринадцать лет он познакомился с неким Эудженио Сирагуза, которого хорошо знают уфологи, считающие его ясновидцем. 5 апреля 1989 года у Джорджо было видение: ему якобы явилась «Святая Дева», сказавшая, что он избран для очень важной миссии. Она назначила ему свидание в Фатиме, где 2 сентября того же года даровала ему стигматы на обе руки и велела открыть миру третью тайну Фатимы. Потом у него было много других видений «Иисуса» и «Святой Девы», а вскоре он «обрел» стигматы на ногах и боку и даже большой кровотокающий крест на лбу. Лучшие специалисты из разных стран много раз исследовали эти раны и всегда приходили к одному и тому же выводу: их нельзя залечить никаким медицинским средством, они не вызывают никакой инфекции, хотя Джорджо не прибегает к каким-либо особым мерам предосторожности. Раны очень впечатляют и болезненно кровоточат, по меньшей мере один раз в день. Кровь брали на анализ: выяснилось, что она очень быстро свертывается (приблизительно за тридцать секунд). Брали кровь и прямо из вены: оказалось, это та же самая кровь, хотя по совершенно непонятным причинам она сворачивается нормально, т. е. от пяти до семи минут. Не раз проводились психологические исследования, показавшие, что Джорджо вполне уравновешен, мягок, скромен и открыт. Именно такое впечатление он и произвел на меня, когда я два раза встречался с ним во время моего участия в итальянских конгрессах.

В чем же тогда причина моего сдержанного отношения к нему?

В том, какую весть он распространяет по всему миру и как эта весть со временем меняется. Сначала вспомним о том, что в этой вести меня совсем не смутило. Святая Дева якобы поручила ему открыть всему миру знаменитую третью тайну Фатимы, которая должна была открыться в 1960 году и которую папы до сих пор не открыли. На самом деле кое-что косвенным образом известно уже давно (по крайней мере с 1963 года) – благодаря несдержанности немецкой газеты «Новая Европа» (“*Neues Europa*”). Речь якобы идет о предостережении всему человечеству с призывом изменить свою жизнь: прекратить бесконечные войны и не губить природу, как это мы делаем сейчас. Все это меня не смутило.

Джорджо возвещает, что кризис, начавшийся в Церкви, будет только усугубляться. Кардиналы и епископы восстанут друг на друга. Грядут большие перемены. Это меня тоже не шокирует: не надо быть пророком, чтобы понять, что Католическая Церковь (в той форме, в какой она сейчас существует) по сути дела идет в тупик. Необходимо радикальное и мучительное обновление. Самая яростная критика, которую Джорджо Бонджованни обрушивает на Католическую Церковь, меня тоже не смущает (44): почти всегда эта критика, к сожалению, полностью оправдана, хотя иногда он немного упрощает ситуацию. То хорошее, что есть в Церкви и что сам он вынужден признать, не всегда совершается вопреки церковной иерархии или вне нее. На самом деле ситуация гораздо сложнее.

Кроме того, Джорджо якобы должен открыть нам какую-то часть той тайны, которую мы не знаем и о которой даже не подозреваем (о ней не говорилось и в упомянутой немецкой газете). Речь идет о начале прямых контактов с внеземными цивилизациями. Может быть, здесь я удивлю своих читателей, но и это еще не заставляет меня усомниться в мистическом и христианском происхождении его стигматов. Лично я верю в реальность этих цивилизаций и считаю, что уже несколько лет их вмешательство в нашу жизнь только усиливается.

Но я перестаю с ним соглашаться, когда он начинает говорить о «новом богословии». Когда я его впервые встретил, он говорил, что Дева советовала ему не доверяться целиком и

полностью ни одной из существующих христианских Церквей. Но он же вполне ясно говорил, что для него Христос действительно Сын Божий и сам Бог (как это утверждают все символы веры, единые для всех христиан) (45). Однако постепенно он заговорил о другом, и теперь Христос вместе с Кришной и Буддой – это всего лишь «существа, сошедшие со звезд и пришедшие из более развитых миров, – существа, которых мы обожествили» (46). Его речи, все еще возвышенные, никак не отличаются от воззрений «Нового века»: те же упрощения и те же притязания спасти весь мир. Если раньше он говорил мягко и сдержанно, даже скромно, то теперь в его словах слышится явное возмущение. Я согласился бы и с этим, если бы чувствовал, что он горит любовью к Богу как подлинные мистики, как падре Пио и Натучца Эволо, о которой мы еще поговорим. Но увы! Теперь я слышу только разговоры о внеземных миссионерах: отныне именно они – наши истинные учителя, образец для подражания, а Джорджо – их пророк. Они наделены всяческими дарованиями, они – наши спасители. Упоминая некоторые случаи похищения людей (47), Бонджованни заявляет, что все они тем не менее относятся к нам вполне благосклонно.

Итак, паранормальные явления налицо: их отрицать нельзя. Стигматы существуют, и каждый может в этом убедиться. Пока их природу нельзя объяснить «научно»: можно только сказать, что они, по-видимому, появляются во время видений. Но мне кажется, что причиной стигматов и всего того, о чем возвещает Джорджо Бонджованни, являются эти таинственные существа, весьма нас озадачивающие, а порой просто тревожащие. Весть, исходящая из его уст, кажется мне очень подозрительной: он много говорит, но в его словах нет любви, а если посмотреть, в каком странном гипнотическом состоянии находятся «похищенные», то придется признать, что в наших «космических братьях» есть нечто страшное. Я все больше убеждаюсь, что они манипулируют им, чтобы добиться своих целей.

Но чего они хотят? Завладеть нашей планетой и постепенно покорить нас? Мы стоим перед ужасными вопросами, в которые я здесь не могу углубляться: ведь имеющаяся информация слишком отрывочна и часто ненадежна. Ясно одно: мы имеем дело с чем-то необычным, но мне кажется, что в основе этого необычного – не Бог. Научный прогресс не имеет ничего общего с духовной эволюцией, и наши «космические братья», как их называют некоторые, в научном отношении вполне могут опережать нас на много лет вперед, но это совсем не значит, что (как считает Джорджо Бонджованни) они более развиты в духовном смысле. Современный человек с его космическими ракетами и Интернетом наверняка восхитил бы египтян, греков и римлян, но он не способен любить лучше, чем они.

Не вдаваясь в подробности, добавим, что и в прошлом были известны стигматы, засвидетельствованные медициной, но, по всей вероятности, не исходившие от Бога. Мы знаем, например, что их имела Мари-Жюли Жаанни, умершая в 1941 году. Собственно религиозная значимость ее стигматов была и остается весьма сомнительной (48). Кроме того, мы знаем, что их имела Пальма Мария Матарелли, но папа Пий IX считал, что они явно дьявольского происхождения (49).

Ложная мистика

12 октября 1845 года в Париже родилась госпожа Брюйер. Она родилась в Париже, но ее семья очень часто проживала в поместье неподалеку от знаменитого бенедиктинского Солемского аббатства. В 1833 году Пьер Геранже вновь основал там монашескую общину: он мечтал восстановить в этих краях аббатство с тем же самым уставом. Именно он и подготовил маленькую Женни Брюйер к первому причастию и очень рано воспитал в ней тягу к монашеской жизни. Но, вероятно, его святые слова упали на неблагоприятную почву. Девушка очень скоро решила, что сам Христос возложил на нее некую исключительную миссию, уже засвидетельствованную ее особыми и таинственными дарами. Правда, однажды в письме к подруге она

призналась: «Бывает я чувствую бесконечную усталость от того, что выдаю себя за человека, которым не являюсь» (50).

17 августа 1868 года мечта Пьера Геранже сбылась: семь молодых женщин приняли монашеские обеты. Женни, самую молодую из них, подруги избрали настоятельницей: она взяла имя Цецилии, а монастырь в то же время стал считать своей покровительницей святую Цецилию.

Живя в гармонии со своей общиной, Пьер Геранже придерживался таких мыслей, которые сразу должны были бы вызвать мою симпатию. Он боролся с рационализмом, который начинал проникать в Церковь. Он очень интересовался мистиками и теми необычными физическими явлениями, о которых рассказывалось в их житиях. Его, наверное, даже больше интересовал не столько сам мистический опыт как таковой, сколько впечатляющие события из жизни мистиков. В любом случае именно этим оборачивалась его увлеченность мистическими видениями. К сожалению, эта область слишком деликатна, и к тому же силы зла никогда не преминут посеять здесь семена смуты, умножая ложные чудеса, видения, да и самих лжемистиков: ведь ложь – лучшее средство дискредитировать истину. Вот тут, как мне кажется, Пьер Геранже не слишком умел отличать одно от другого.

Этот недостаток усугублялся глубокой уверенностью в том, что Бог призвал солемскую общину сыграть главную роль в обновлении французской, да и вообще всемирной Церкви. Чтобы лучше осуществить эту миссию, солемский игумен вскоре добился того, что Рим пожаловал Женни Брюйер сан аббатисы. После этого стали множиться «мистические явления»: например, одна из монахинь увидела, что на головах аббата и аббатисы горит по яркой звезде.

Начались необычные видения, и скоро госпожа Брюйер возомнила себя второй «Девой Марией». «Обняв меня как свою сестру, Богоматерь показала мне (в моем полном отождествлении с нею, когда я испытала все то, что испытала она восемнадцать веков назад) двойное предназначение невесты и матери Бога и Церкви. Сначала я пережила юность Девы, затем – целомудренный брак материнства. Самой сладостной порой моей чудесной жизни была беременность, начало которой восходит к таинственному и всепоглощающему величию испепеляющей и неодолимой любви *Virtus Altissimi obumbrabit tibi* (51). Сокровенные милости Жениха, которые я знала прежде, были всего лишь бледной прелюдией. Какое сильное истечение материнской любви, какое сладостное любовное изнурение, когда чувствуешь себя во власти желанного залога! Я носила в себе сладостную ношу, я чувствовала, как она шевелится в своей добровольной темнице. Он жил своей матерью и супругой, но спешил покинуть мое чрево, чтобы спасти мир. И вот пришла ночь Рождества – какое сладостное чувство! Преисполнившись смирения, я, дева-мать, не дерзала дать божественному малютке то, что обычно ребенок требует у своей матери. Но ребенок был и супругом. У него была сила и любовь, и своими ласками Супруг восторжествовал над моим целомудренным сопротивлением. Я вся млела от любви, когда его губы всю меня привлекли к себе и я почувствовала, что перехожу в моего возлюбленного! Это не образы и не видения: все было пережито по-настоящему в моем физическом и нравственном существе» (52).

И вот так каждый год на Рождество она неким «мистическим» образом производила на свет Младенца-Иисуса – малыша, которого, конечно же, никто никогда не видел, но которого она нежно кормила грудью, а потом с бесконечными предосторожностями передавала какой-нибудь другой избранной монахини, чтобы и та, в свою очередь, дала ему грудь. Очаровательная картина! Монахи же довольствовались тем, что убаюкивали незримого Богомладенца. Странно думать, что почтенные монахи, нередко большие интеллектуалы, принимали участие в этом маскараде! (53). При всем том мать-аббатиса была очень умной и прекрасно знала самые лучшие духовные произведения. Она написала трактат под названием «О молитве согласно Святому Писанию и монашеской традиции», и весьма уважаемые богословы того времени восхищались этим собранием (среди них епископ Майенский и кардинал Мэннинг).

Итак, с тех пор госпожа Брюйер становится «Матерью Церкви» – совсем как Святая Дева! Она живет в окружении ангелов, ей особо покровительствует святой архангел Михаил, она ведет ужасные сражения с дьяволом. Увы, но все это напоминает секту «Мандаром из Кастеллана» и ее основателя Жильбера Бурдена, который, сражаясь с сотнями тысяч демонов, видел, как они, сраженные молнией, подобно звездам низвергаются с небес. Но ведь ему тоже удалось покорить некоторых интеллектуалов. Поистине загадочно сердце человеческое!

Нет нужды без конца перечитывать подлинных мистиков, чтобы понять, что стремление обрести какие-то видения и особые милости как раз противоречит тому, что надо искать людям, желающим истинно служить Богу. Увы, тот, кто хвалится такими «привилегиями», лишь неопровержимо доказывает, что на самом деле им играет дьявол!

Стремление отождествить себя с самым святым, что только есть в Церкви, не ограничилось Богоматерью. Госпожа Брюйер заявила, что не выйдет за пределы того, что она сама назвала «полнотой Христова возраста» (по ее понятиям это было около сорока лет). Следовательно, ей предстояло умереть приблизительно 12 октября 1885 года. В положенное время смерть не явилась, но тут весьма кстати умерла одна из монахинь, а она сама сказала, что уже покидала землю, но Христос, явившись ей, просил ее вернуться, чтобы завершить возложенную на нее миссию, а вместо нее он решил взять на небеса ту самую монахиню. Но это еще не все: ее тело все-таки успело побывать в загробном мире, и теперь ему неведомы немощи мира земного, потому что отныне оно обладает свойствами «прославления».

После смерти Пьера Геранже аббатом был избран Кутюрье. Это был смиренный человек, следовавший наставлениям своего предшественника. Кардинал Жан-Батист Питра, в свое время тоже бывший монахом в Солеме, прибыл из Рима на похороны Пьера Геранже и тотчас подпал под влияние госпожи Брюйер. Как после этого не доверять монахине, духовные советы которой столь явно были оценены всеми?

В Церкви существует не только истинное «духовное отцовство», т. е. духовное наставничество, осуществляемое монахами-мужчинами, но и «духовное материнство»: в этом случае наставничество осуществляется святыми женщинами. Госпожа Брюйер не замедлила стать духовной матерью всех новых монахов, приходивших в Солема.

Так, например, ее наставничеству был вверен Сотон. Этот монах хотя и недавно появился в монастыре, но не был молоденьким новичком: ему было уже около тридцати, в прошлом он был доктором медицинских наук и считался превосходным практиком. Его несколько удивило, когда однажды он узнал о новом рождении Богомладенца. Сам Сотон стал для госпожи Брюйер «маленьким Тибурцием» (так звали родственника святой Цецилии, которая, как мы уже говорили, считалась покровительницей самой аббатисы). Далее мы приводим слова Сотона, в которых он просто не может скрыть своей неловкости: «Мой нежный маленький Тибурций, не бойтесь: я – ваша мать Цецилия. Эта жизнь, для которой я вас родила, гораздо ценнее той, которую вы получили от вашей естественной матери. Вы – для меня, вы плод совершенно девственного материнства, божественная щедрость которого даровала мне эту привилегию. Придите же на мои колени, усните на моих руках: отныне вам больше никто не нужен, в моей груди вы почерпнете меня самое. Что может быть целомудреннее этого ребенка, который играет на груди своей матери?» (55). И далее: «Я благословляю Бога, который сделал меня вашей матерью. Будьте же младенцем в пеленках, птичкой, выходящей из яйца; укройтесь под моим крылом».

«Когда она предложила мне стать ребенком, покоящимся на ее руках, я понял, что здесь что-то нездоровое. “Какая слащавость, какое ребячество”, – думалось мне» (56). Позднее, когда ему, наконец, удалось выйти из этой неприятной ситуации, он заговорил как врач: «Наверное, надо было сказать этой женщине: “Мадам, вы рождены для материнства, а не для безбрачия: все в вас кричит о том, что вы должны стать матерью, и эта потребность заставляет мечтать о том, чего вы не сделали» (57).

«Через полученное ею откровение она знала, что является одним из четырех столпов, на которые в ту пору покоилась Церковь. Тремя первыми были Пьер Геранже, папа Пий IX и кардинал Пий» (58). Но Пьер Геранже умер, а здоровье Пия IX пошатнулось. «Ах, – сказала она однажды, – я так молилась за него. Дьявол гнался за ним, но я не сдавалась. Это было трудно: я очень страдала целых восемь дней, но наконец-то все в порядке – сегодня я выиграла и мне лучше» (59). Таким образом, она дала понять, что сыграла главную роль в освящении души папы Пия и его подготовке к смерти. Здесь мы как будто имеем дело с явлением осмотического воздействия одной души на другую: я вполне его признаю, и к тому же в житиях святых есть много свидетельств на этот счет. Но тут все иначе! Обычно о таком явлении узнавали только после смерти святого или святой – узнавали через его духовника или редкое доверенное лицо, а также из записок, сделанных по повелению духовного отца. Но при жизни никто из окружения даже не подозревал об этой тайне, хотя постоянно общался с таким монахом или монахиней. Мистика госпожи Брюйер – это самая настоящая карикатура на подлинную мистику: она в точности воспроизводит ее по форме, но всегда искаженно.

Когда, наконец, три упомянутые «столпа» рухнули, раздался стон: «Бог не может все возложить на одну меня!».

В 1890 году умер Кутюрье, и госпожа Брюйер пустилась в интриги, стремясь, чтобы новым аббатом стал Делатт. Но в обоих монастырях, мужском и женском, вспыхнули внутренние распри. Слухи о странных взаимоотношениях между монахами и монахинями достигли Рима, и там не на шутку обеспокоились. Делатту велели прибыть в Рим, где он предстал перед Святой Инквизицией. Всякие отношения между двумя монастырями были запрещены, но при этом всячески постарались, чтобы ничто не просочилось в печать. Не теряя времени аббатиса, воспользовавшись исключительными связями некоторых своих монахинь (у одной были знакомства при австрийском дворе, другая лично знала королеву Испании), добилась того, что Лев XIII снял опалу с Делатта. В последний раз ей удалось навязать свою волю: 18 марта 1909 года, самым тщательным образом подготовив документы для своей возможной канонизации, она умерла.

Надо признать, что в жизни настоящих и всеми признанных святых бывали видения и беседы, в которых сказывалась очевидная для нас сексуальность, но нередко мы оказываемся плохими судьями, потому что здесь само чувственное начало со временем сильно меняется. Поэтому прежде чем возмущаться и судить сразу обо всем, надо как следует разобраться. Что касается госпожи Брюйер, то она жила не слишком давно, и в отрывках, которые я вам привел, все-таки нельзя не заметить чего-то весьма странного и нездорового. Она была женщиной умной и образованной и сама должна была это понимать, но гордость, которая нередко является самым тонким орудием сатаны, просто ослепила ее. Ложная святость компрометирует истинную. Спору нет, борьба против узкого рационализма, которую хотели вести солемские братья, – дело достойное, и сегодня ее надо вести как никогда. Но, ввергая всех, кто готов бороться, в пучину сомнительных озарений и видений, мы как нельзя лучше расчищаем дорогу для того же самого рационализма.

Ложные явления

Как известно, в сказках злой волшебник рисует красивые замки и идиллические пейзажи, чтобы завлечь туда всех, кого хочет погубить, поставив себе на службу. Часто, когда очарование проходит, оказывается слишком поздно. Кажется, что в мире, который пока что является нашим реальным миром, дела обстоят точно так же. Истинным чудесам силы зла противопоставляют чудеса ложные, подлинным мистикам – самозванцев, настоящим видениям – ложные картины и образы.

МЕДЖУГОРЬЕ

Грустная история «видений» Меджугорья на долгое время останется ярким примером действия темных сил. Я знаю, что, увидев эти строки, многие читатели разочаруются и не станут читать дальше, но мне кажется, что после строгого и тщательного исследования, которое провел Иоахим Буфле (60), никаких сомнений не остается. Речь не идет об авторе, которого можно заподозрить в систематическом противлении всему сверхъестественному: нет, мы обязаны ему многочисленными исследованиями тех физических явлений, которые часто наблюдаются в жизни мистиков (особенно в том, что касается стигматов), и к тому же он работает в тесном сотрудничестве с Ватиканом, когда дело идет о беатификации или канонизации.

Вкратце напомню, о чем идет речь. 30 июня 1981 года в Югославии, в деревне Меджугорье (сегодня это Босния и Герцеговина) несколькими подросткам «явилась» Дева Мария. Шли годы, подростки выросли, но Дева так и «являлась» им – поодиночке или всем вместе.

Местные епископ, архиепископ Загреба, а также боснийские епископы призвали проявить сдержанность и не торопиться с выводами, но все было напрасно. Отовсюду стали стекаться толпы паломников, формировались группы священников, организовывались благотворительные фонды, – одним словом, как сказал отец Лорентин, несколько лет следивший за всем происходящим, в настоящее время во всем мире нет другого места, где происходило бы столько обращений, исповеданий и причастий. Цифры, которые он приводит, просто головокружительны (61).

Но, как подчеркивает тот же отец Лорентин, дерево можно и нужно судить по его плодам, и здесь я не могу с ним не согласиться, да и Иоахим Буфле тоже. Я не сомневаюсь, что все случившиеся там обращения, всякое возвращение к вере и Церкви было делом Святого Духа – ведь Бог действует в сердце каждого человека, и если люди приходят туда с искренним желанием его отыскать, то я не вижу причины, по которой он не мог бы с любовью ответить им на их стремление. Это все – плоды Святого Духа.

Но в Меджугорье находятся не одни лишь паломники: там собираются (причем, в первую очередь) разные ясновидцы и священники, которые, крутясь вокруг них, вместе с ними намеренно раздувают все происходящее. Если бы эти явления были подлинными, тогда их результаты были бы более достойными. Речь, конечно же, не идет о том, чтобы все, кому было явление, непременно становились монахами и отправлялись в монастырь, как это сделала святая Бернадетта или сестра Люсия, узревшая Богородицу в Фатиме. Я вполне допускаю, что в данном случае Божий замысел может быть прямо противоположным: быть может, Бог хочет показать святость хорошо прожитого христианского брака. Но меня смущает тот факт, что в Меджугорье ты совсем не ощущаешь такой святости.

Начнем с того, что на отца Йозо Зовко, францисканца, организующего эти явления, поступает столько жалоб от женщин самых разных стран, обвиняющих его в сексуальном домогательстве, что епископ решил, наконец, убрать его с этого места. Не отстает от него и отец Томислав Власич: за несколько лет до начала упомянутых «явлений» от него забеременела одна монахиня, но гораздо хуже в этой истории то, что отец отказался признать отцовство. Стремясь хоть как-то сохранить честь отца, монахиня согласилась эмигрировать в Германию. Это не помешало тому, что этот же «отец» (на сей раз уже после «видений», а именно в 1988 году) по настоятельному совету «Святой Девы» вступил в «мистический» брак с другой монахиней. Здесь сомнение вызывает если не нравственность священника, то, по крайней мере, его психическая уравновешенность.

Меня не возмущает, что «узревшие Деву» путешествуют по всему миру, возвещая о том, что она якобы им сказала: ведь это могли делать и Бернадетта Лурдская или сестра Люсия. Дело в другом: они через это обогащаются, строят гостиницы, в которых сами принимают палом-

ников, ведут роскошную жизнь, что, на мой взгляд, не должны делать люди, приблизившиеся к Богу.

Меня не шокирует, что они по-прежнему верят в подлинность воспринятой ими вести (если они действительно в это верят): мне не нравится, что они продолжают ее распространять, вдохновляя францисканцев сопротивляться епископу – именем самой Святой Девы. Ни один подлинно духовный человек так не поступает, и здесь достаточно вспомнить о падре Пио (62).

Никто не упрекнет их в том, что, исполнившись небесной любви, они не забывают о своей земной родине, но их слова о том, что Богоматерь призывает воевать против сербов и мусульман совершенно недопустимы.

Обратимся к Иоахиму Буфле, который, подводя итог такой деятельности, спрашивает: «Как могут эти ясновидцы – францисканцы и их сторонники – приносить столь гнилой плод, а именно лож, доведенную до сладострастия и прелюбодеяния?» (63). Да, это тоже «плоды» их «видений», но, конечно же, это плоды с того дерева, которое не было посажено Богом.

Но, быть может, было все-таки что-то истинное во всех этих видениях и вестях? Может, дети и подростки действительно видели что-то такое, что появлялось перед ними регулярно? Тогда, наверное, надо сравнить эти «сверхъестественные» явления со множеством вестей, которые сейчас поступают на разных языках со всего мира – через автоматическое письмо, а также магнитофонные и компьютерные записи. Ведь считается, что они тоже поступают от Святой Девы, Христа, Святого духа и даже от Бога-Отца! Мне, например, приходят на ум сообщения, принятые Вассулой Райден, да и многие другие – ведь сегодня мы просто переполнены ими. Их принимают повсюду, и, общаясь с теми, кто их получает, я вижу, что эти люди вполне искренни, но, вникая в содержание этих «посланий», я не думаю, что их авторами являются Божья Матерь или какое-нибудь Лицо Святой Троицы.

Но кто же тогда? Иногда, наверное, это какой-нибудь простой смертный – добрый человек, который уже завершил земную жизнь и перешел в загробный мир. Иногда, наверное, другие существа, не столь добрые (как те, например, которые являлись Джорджо Бонджованни).

Бог может обратить зло в добро – это не раз случалось в истории человечества и касалось даже ложных чудес. «Нередко бывало так, – отмечает Иоахим Буфле, – что ложные видения и чудеса становились причиной обращения людей, стремящихся к вере. Известно, что в 1953 году кровоточащая статуя святой Анны, находившаяся в Антрево, вернула некоторых людей к вере, объединила распадавшиеся семьи и даже стала причиной необычных исцелений. Однако в 1959 году Жан Сальвад признался, что он намеренно организовал весь этот обман. Точно так же явления, которые имели место в 1944 году в Италии (Гьяйе ди Бонате) стали причиной различных благотворных событий, хотя местный епископ, признавая их реальность, отрицал их сверхъестественное происхождение... То же самое можно сказать и о Меджугорье. Все хорошее совершается там как бы параллельно самим “явлениям” без жесткой причинно-следственной связи» (64).

Таким образом, Меджугорье, – это, наверное, арена бесконечной борьбы: силы зла стремятся дискредитировать все сверхъестественное, тогда как Божьи силы стремятся использовать во благо даже дьявольские козни. Такая мысль может показаться немного пафосной и схематичной, но вспомним: сколько раз Бог использовал наши собственные ошибки, чтобы сделать нас духовно глубже? То же самое происходит с целыми народами, и некоторые вести, приходящие из потустороннего мира, говорят о том, что бесконечная борьба между добром и злом разворачивается не только на Земле, но и в широком духовном измерении.

Однако несмотря ни на что глубокое чувство тревоги не покидает нас. Сколько опытных богословов, весьма сведущих в мистике, сколько епископов и кардиналов столько лет позволяли себя обманывать – и это несмотря на многочисленные предостережения местного епископа! Какой хороший реванш для всех сил зла и какой «чудесный» способ на долгое время дискредитировать все на самом деле чудесное!

САН ДАМИАНО

Есть еще одно «чудесное» место, о котором уже давно пишут газеты. Целые поезда (причем специально выделенные для этой цели), а также многочисленные автомобильные экскурсии по самым разным расценкам со всех стран и городов устремляются к маленькой деревушке Сан Дамиано на севере Италии: она находится примерно в двадцати километрах к югу от Плезанса. Там проживает Роза Кватрини по прозвищу «мама Роза». В 1972 году она овдовела, но у нее два женатых сына, замужняя дочь и множество внуков. Кроме того, у нее есть две сестры-монахини, причем обе – миссионерки: одна в Бразилии, другая в Индии. Третья сестра, монахиня-кармелитка, умерла в 1967 году. Мама Роза не имеет почти никакого образования, но «у нее искренняя душа малого ребенка и невинное сердце, которое, правда, умеет шутить» (65).

Все началось 29 сентября 1961 года во время праздника архангела Михаила. Мама Роза тяжело болела, лежала в кровати, а ее муж отправился за каштанами. За ней присматривала только ее тетка Адель. Неожиданно в дом вошла молодая женщина, которая попросила подать ей милостыню на покупку трех свечей. Тетя Адель сказала, что они бедны, да к тому же у них на руках больная. Тогда женщина подошла ближе, взяла Розу за руки, заставила ее встать и сказала, что ей предстоит сделать. «Ты должна пойти к отцу Пио», – сказала она (речь идет о падре Пио, которого недавно канонизировали). Вскоре кто-то доставил деньги и одежду. Мама Роза отправляется к падре Пио, который просит ее посвятить свою жизнь уходу за больными. Через два с половиной года падре Пио просит ее оставаться у себя дома и ждать большого события. 16 октября 1964 года во время чтения молитвы мама Роза слышит чей-то голос, который зовет ее выйти на улицу. «Я вышла и увидела на небе большое белое облако, усеянное множеством золотых и серебряных звезд и розами всех цветов. Из облака вышел шар – красный шар, который опустился на грушевое дерево. Из шара вышла Небесная Мать, окруженная великим светом. На ней был большой покров и звездный венец, а над головой сиял великий свет. “Моя маленькая девочка, – сказала она мне, – Я пришла издалека. Возвести миру о том, что все должны молиться, ибо Иисус больше не может нести свой крест. Я хочу, чтобы все были спасены, добрые и злые, ибо я – Мать любви”... Затем Святая Дева исчезла, но в тот же день грушевое дерево, полное плодов, внезапно в изобилии покрылось цветами, да так и оставалось в течение трех недель, несмотря на проливные осенние дожди» (66).

В дальнейшем видения повторяются довольно регулярно, и паломники уже знают, что Дева появляется на грушевом дереве по пятницам около двенадцати сорока пяти, а также по праздничным дням, особенно в ее собственные праздники. Часто они собираются накануне и усиленно молятся до поздней ночи, а иногда и всю ночь напролет, что видно по их усталым лицам. Другие прибывают утром. Они собираются в ограде, которой обнесена груша, и стоят перед второй решеткой. Часто они приносят с собой четки, какие-то изображения или статуэтки для благословения. Они развешивают их на ветвях груши, а многие заботливо устанавливают магнитофоны, которые, как они считают, позволят записать весть Девы Марии, переданную через маму Розу. С одиннадцати часов в небольшом «райском саду» собирается целая толпа. Обычно кто-нибудь из присутствующих начинает громким голосом читать розарий. Кроме того, очень часто читают Символ веры, а также литании Деве Марии и святым.

В это время мама Роза принимает паломников в своей частной молельне: они приходят к ней за советом, ободрением и утешением. Ближе к полудню она тоже идет к груше и вместе с несколькими священниками проходит за вторую ограду. Там она становится на скамеечку для молитвы, уже приготовленную кем-то из присутствующих, и сразу начинает читать розарий. «И тогда – чаще всего во время третьей молитвы, когда предаешься раздумьям о достославных таинствах, мама Роза вдруг останавливается. Что значит этот миг для всех, кто его чувствует?

Каждый знает, что Святая Дева уже появилась. Мама Роза смотрит вверх, но не в экстазе: ее глаза просто полны света, как глаза ребенка, устремленные на того, кто захватил его сердце».

Она начинает говорить о том, что видит: да, перед ее взором Святая Дева, но она не одна – рядом с нею целый сонм ангелов, архангелов, святых, апостолов и пап. Начинается весть, которую слышит только мама Роза, но она повторяет ее слово в слово: «Мои маленькие дети...». Собравшиеся нередко начинают просить о какой-нибудь милости для себя и всего мира, и Святая Дева отвечает на их просьбы. Наконец, «Мария» благословляет всех своих детей «во имя Отца и Сына и Святого Духа». На этом видение заканчивается. Мама Роза вновь начинает читать розарий, иногда добавляет молитву «Ангелус», а затем сразу начинается крестный ход. Обычно все это происходит в пятницу – привычный день для таких благочестивых молитв.

Как видите, программа весьма насыщенная, и как замечает один автор, к которому я и обратился, рассказывая обо всем этом, «порой просто падаешь в изнеможении»!

У событий, которые происходят в Сан Дамиано, есть еще одна сторона. «Как у всех пророков, – замечает все тот же автор, – у мамы Розы кроме внешней миссии, заключающейся в том, чтобы передавать слова, сказанные Богоматерью, есть и внутренняя: она лично участвует в Искуплении. Здесь мы находимся на пороге тайны, которую нам не надо разгадывать. Мы только догадываемся, что мама Роза несет крест – и несет его в покорности и любви. “Я готова понести страдания, которые тебе угодны”, – говорит она. В эти мгновенья тишины, столь впечатляющие и значимые, – какой незримый разговор совершается в эти мгновенья? Это тайна души. Только лицо мамы Розы внезапно выдает тревогу страдания. Она тяжело вздыхает, и этот вздох говорит о всей тяжести ее испытания, она готова зарыдать, и подавленное рыдание говорит о том, что ее боль безмерна» (67).

Но, выполняя свою «внутреннюю миссию», она порой получает и некоторое утешение.

Однажды, когда она резала помидоры, чтобы приготовить салат, в ее дверь постучался священник лет тридцати. Он просто хотел помолиться вместе с нею перед статуей Святой Девы, которую мама Роза установила у себя дома перед небольшим алтарем. Они вместе начали читать розарий, а потом она осмелилась спросить его, откуда он пришел. «Я назарянин», – ответил он. Тут внимание мамы Розы на какой-то миг отвлекла ее кошка, а когда она снова повернулась к священнику, тот, оказывается, уже исчез!

Добавим сюда многочисленные фотографии, сделанные простыми паломниками: на них мы видим светящиеся кресты в небе, совершенно четкий силуэт Святой Девы и другие необычные явления. Некоторые из них были исследованы в лаборатории, но никакой фальсификации не обнаружили.

Тем не менее история мамы Розы, какой бы прекрасной она ни была, основана на лжи, хотя бы частичной. Она никогда не встречалась с падре Пио, а тот никогда не возлагал на нее никакой миссии и не говорил, что ей надо ждать какого-то важного события. Он сам сказал об этом Иоахиму Буфле. Когда же последний спросил его, что тот думает обо всем происходящем в Сан Дамиано, святой монах ответил: “*Opera diabolica. Ci sono opere diaboliche*”.

«Ну а как же мама Роза?», – спросил Иоахим.

“*No nulla da fare con lei. Non l’ho mai vista. Prega per lei*” (68).

Итак, мама Роза лгала – и не раз. Она часто ссылалась на свой разговор с падре Пио, внушая, что не теряет с ним связи. На самом же деле однажды она целых три недели пробыла около его монастыря в надежде встретиться с ним, но, в конце концов, ее просто силой изгнали оттуда.

В Сан Дамиано не только процветала своеобразная мания величия, но и крутились большие деньги. Довольно быстро там сформировался комитет по распространению вестей, которые якобы передает Мадонна. В июне 1965 года она как будто бы повелела построить собор, который должен стать самым большим храмом в мире, в октябре 1966 года разговор пошел о закладке «райского сада» и рытье колодцев, которые Мария наполнит чудодейственными

водами, и все это завершится, наконец, строительством «города роз», который однажды (как сказала та же «Мария») станет «больше Рима» (69).

После первого предостережения, которое 7 сентября 1965 года сделал местный епископ, упомянутый итальянский комитет распался, но тут же ему на смену пришла какая-то швейцарская ассоциация, которая вскоре получила эксклюзивные права на распространение «вестей Богоматери». Группа швейцарских финансистов купила дом, принадлежавший Розе Кватрини, выкупила участок вокруг дома и начала издавать два ежемесячных бюллетеня: “La Grande Luce” (на итальянском языке) и “Stella Maris” (на французском и немецком). Говорят, что Мадонна сама даровала исключительные права на распространение своих вестей бюллетеню “Stella Maris”.

Паломники с бидонами в руках выстраиваются в очередь, чтобы набрать воды из этих колодцев: иногда они приходят еще до рассвета, а расходятся с наступлением сумерек. Подсчитали, что порой люди набирают более пятидесяти тысяч этой «драгоценной» воды, которая, конечно же, «более чудодейственна, чем вода из Лурда».

Уже упоминавшийся нами Иоахим Буфле, как никто другой разбирающийся в таких вопросах, говорил о некоторых других «явлениях», которые сильно вдохновляли маму Розу и ее окружение.

В конце концов, Церковь два раза осудила эти «явления» (в феврале 1968 года и в ноябре 1970 года).

Подлинная одержимость

Здесь мы не станем исследовать настоящую одержимость во всех ее аспектах: на эту тему написаны целые труды, и все равно вопрос не исчерпан до конца. В данном случае нас интересуют лишь наиболее впечатляющие случаи, которые выходят за рамки «обычных» физических законов и позволяют говорить о действии какой-то неведомой силы, скрывающейся за всем тем, что мы видим воочию. Иными словами, речь идет о тех случаях, которые похожи на чудеса, но причина которых – не Бог, а силы зла.

Я знаю, что на сегодняшний день эта тема очень плохо освещена не только наукой, но и прежде всего самим духовенством. Большинство экзорцистов больше не верят в это и отсылают к психиатрам всех, кто к ним обращается (70). Те же, кто считает, что в редких случаях подлинная одержимость все-таки встречается, не хотят об этом говорить или касаются этой темы только в дружеских беседах, избегая всего пугающего и впечатляющего. Тем не менее подлинная одержимость существует, и чем меньше священников в нее верят, тем больше ее становится. Дело доходит до того, что в некоторых странах рост числа сатанинских сект (с характерными для этого явления последствиями) заставляет говорить о возвращении подлинного экзорцизма.

Само собой разумеется, что серьезный экзорцист должен работать в сотрудничестве с психологом и психиатром, которые, кстати, часто первыми замечают, что некоторые случаи находятся не в их компетенции. Сошлюсь на работы итальянского профессора Симоне Морабито, крупного специалиста в этой области. В 1960 году в возрасте двадцати четырех лет Симоне Морабито с отличием закончил медицинский институт, где изучал общую медицину и хирургию. Специалист в области психиатрии, неврологии, психотерапии и педиатрии, занимающийся клиническими проблемами нервно-психических заболеваний, он кроме того является автором диагностических разработок в области общей медицины и хирургии, за которые Парижский научный институт выставил его кандидатуру на присуждение Нобелевской премии. Кратко расскажу о его первой встрече с подлинно одержимым человеком (71).

Однажды молодой человек (назовем его Фабио) обратился к Морабито за помощью. На встрече настояли его родители, по всей вероятности, люди зажиточные. Молодому человеку было девятнадцать лет, вел он себя прилично и даже непринужденно и просто казался нормальным, умным человеком. Он жаловался на депрессию и тревогу, которые не давали ему отдохнуть ночью. «В какой-то миг, – рассказывает профессор Морабито, – я увидел, как его глаза наполнились огнем и посмотрели на меня с такой ненавистью, что я испугался. Лицо исказилось и стало похоже на страшную маску, голова повернулась на шее в сторону родителей, которые сидели за ним, причем повернулась так, как будто какая-то внутренняя сила заставила ее это сделать. Совершая свои нелепые действия, Фабио буквально проскрежетал по словам: «Я ненавижу своего отца и свою мать». Голос был низким, глухим, каким-то сдавленным, совершенно непохожим на тот, который я только что слышал. Сказав это, а точнее, не сказав, а как-то ужасно прошипев, он принял свой прежний вид и продолжил разговор как ни в чем не бывало». Этот перепад настроения длился всего несколько секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.